

**В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**
190000, г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, д. 1.
Подается через представительство Конституционного
Суда РФ в Москве

ЗАЯВИТЕЛЬ: Автономная некоммерческая организация
«**Центр арбитражного разбирательства**».
630112, г. Новосибирск, ул. Красина, д. 54, офис 305.
ИНН 5408143780, ОГРН 1025403651712.
Морозов Михаил Эдуардович (председатель,
единоличный исполнительный орган).
Телефон: +7 913 913 14 66.
Адрес электронной почты: sibts@yandex.ru.

**ОРГАНЫ ВЛАСТИ,
ПРИНЯВШИЕ ЗАКОН,
ПОДЛЕЖАЩИЙ ПРОВЕРКЕ:** Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации.
103265, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1.
Совет Федерации Федерального Собрания
Российской Федерации.
103426, г. Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 26.
Президент Российской Федерации.
103132, г. Москва, ул. Ильинка, д. 23.

ЖАЛОБА

**на нарушение конституционных прав и свобод
положениями частей 4, 6, 8 (п. 4), 9 и 10 статьи 44
Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ
«Об арбитраже (третейском разбирательстве)
в Российской Федерации»**

_____ октября 2021 г.

I. НАЗВАНИЕ, НОМЕР, ДАТЫ ПРИНЯТИЯ И ВСТУПЛЕНИЯ В СИЛУ, ИСТОЧНИК ОПУБЛИКОВАНИЯ ЗАКОНА, КОНСТИТУЦИОННОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ КОТОРОГО ПОДЛЕЖИТ ПРОВЕРКЕ

Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее также — **Закон об арбитраже**) вступил в силу с 1 сентября 2016 г. (ст. 54 Закона об арбитраже). Текст Закона об арбитраже был опубликован в следующих изданиях: «Официальный интернет-портал правовой информации» (<http://www.pravo.gov.ru>) 29 декабря 2015 г.; Российская газета. 2015. 31 декабря. № 297; Собрание законодательства РФ. 2016. 4 января. № 1 (ч. I). Ст. 2.

Изменения в подлежащие проверке на предмет соответствия Конституции РФ положения ч. 4, ч. 6 и ч. 10 ст. 44 Закона об арбитраже были внесены Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 531-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации“ и Федеральный закон „О рекламе“», который был опубликован в следующих изданиях: «Официальный интернет-портал правовой информации» (<http://www.pravo.gov.ru>) 28 декабря 2018 г.; Российская газета. 2018. 29 декабря. № 295; Собрание законодательства РФ. 2018. 31 декабря. № 53 (ч. I). Ст. 8457.

Данные изменения вступили в силу 29 марта 2019 г. и были внесены до момента применения положений Закона об арбитраже в деле с участием Заявителя. Изменения в ч. 8 (п. 4) и ч. 9 ст. 44 Закона об арбитраже не вносились.

Таким образом, с момента применения частей 4, 6, 8 (п. 4), 9 и 10 ст. 44 Закона об арбитраже (далее также — оспариваемые положения (приложение № 1)) в конкретном деле с участием Заявителя они не претерпевали каких-либо изменений и являются действующими.

II. НАИМЕНОВАНИЯ И АДРЕСА ОРГАНОВ ВЛАСТИ, УЧАСТВОВАВШИХ В ПРИНЯТИИ И ОДОБРЕНИИ ЗАКОНА ОБ АРБИТРАЖЕ, КОНСТИТУЦИОННОСТЬ ПОЛОЖЕНИЙ КОТОРОГО ПОДЛЕЖИТ ПРОВЕРКЕ

— Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (103265, г. Москва, ул. Охотный ряд, д. 1), принявшая Закон об арбитраже 15 декабря 2015 г.;

— Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (103426, г. Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 26), одобривший Закон об арбитраже 25 декабря 2015 г.;

— Президент Российской Федерации (г. Москва, Кремль), подписавший Закон об арбитраже 29 декабря 2015 г.

III. ПОЛОЖЕНИЯ ЗАКОНА ОБ АРБИТРАЖЕ, ПОДЛЕЖАЩИЕ ПРОВЕРКЕ НА ПРЕДМЕТ ИХ СООТВЕТСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ РФ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПО СМЫСЛУ, ПРИДАВАЕМОМУ ИМ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКОЙ

По мнению Заявителя, следующие нормативные положения Закона об арбитраже, в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, не соответствуют Конституции РФ и нарушают конституционные права и свободы Заявителя:

(1) ч. 4 ст. 44:

«4. Право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения в соответствии с настоящим Федеральным законом предоставляется некоммерческой организации актом уполномоченного федерального органа исполнительной власти, принимаемым в установленном им порядке, на основании рекомендации Совета по совершенствованию третейского разбирательства о предоставлении права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения»;

(2) ч. 6 ст. 44:

«Совет по совершенствованию третейского разбирательства выдает мотивированную рекомендацию о предоставлении или об отказе в предоставлении некоммерческой организации, при которой создается постоянно действующее арбитражное учреждение, или иностранному арбитражному учреждению права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения по результатам анализа выполнения требований, предусмотренных частями 8 и 12 настоящей статьи...»;

(3) п. 4 ч. 8 ст. 44:

«8. Некоммерческой организации, при которой создается постоянно действующее арбитражное учреждение, предоставляется право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения или отказывается в предоставлении такого права по результатам анализа соответствия следующим требованиям:

<...>

4) репутация некоммерческой организации, при которой создается постоянно действующее арбитражное учреждение, масштаб и характер ее деятельности с учетом состава ее учредителей (участников) позволят обеспечить высокий уровень организации деятельности постоянно действующего арбитражного учреждения, в том числе в части финансового обеспечения создания и деятельности соответствующего учреждения, осуществление указанной организацией деятельности, направленной на развитие арбитража в Российской Федерации»;

(4) ч. 9 ст. 44:

«9. Предъявление дополнительных требований, за исключением установленных частью 8 настоящей статьи, не допускается»;

(5) ч. 10 ст. 44:

«10. В случае выдачи Советом по совершенствованию третейского разбирательства рекомендации об отказе в предоставлении права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения уполномоченный федеральный орган исполнительной власти в течение пятнадцати рабочих дней с даты соответствующего заседания Совета по совершенствованию третейского разбирательства принимает мотивированное решение об отказе в предоставлении некоммерческой организации, при которой создается постоянно действующее арбитражное учреждение, права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения...».

Заявитель считает, что соответствующие оспариваемые положения, **в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой**, не соответствуют Конституции РФ (как показано ниже: ее ст. 1, ст. 2, ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 5, ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 8, ст. 18, ст. 19, ч. 1 ст. 21, ч. 2 ст. 24, ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 32, ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 35, ч. 1 ст. 37, ч. 1 и ч. 2 ст. 45, ч. 2 ст. 45, ч. 1 и ч. 2 ст. 46, ч. 3 ст. 55, ст. 75¹, а также общему конституционному принципу реализации правовых норм) в той мере, в которой они, в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, в частности:

— допускают в отсутствие ясных и четких критериев, которые должны были бы учитываться (т.е. создаются условия неопределенности) при решении вопроса о предоставлении права на администрирование арбитража¹ (на осуществление функций

---

¹ «3) **администрирование арбитража** — выполнение постоянно действующим арбитражным учреждением функций по организационному обеспечению арбитража, в том числе по обеспечению процедур выбора, назначения или отвода арбитров, ведению делопроизводства, организации сбора

постоянно действующего арбитражного учреждения (далее также — ПДАУ²)), предъявление к некоммерческой организации, претендующей на получение данного права (ею является и Заявитель), необоснованных и избыточных требований в свете указанной неопределенности, равно как и содержат внутреннее противоречие, вследствие чего они нарушают конституционное(-ый) требование (критерий) правовой определенности и конституционное требование непротиворечивости правового регулирования (ст. 1, ч. 2 ст. 4 и ст. 19 Конституции РФ);

— допускают принятие Советом по совершенствованию третейского разбирательства при Министерстве юстиции Российской Федерации (далее также — Совет) и самим этим Министерством (далее также — Минюст) немотивированных актов о несоответствии Закону об арбитраже некоммерческих организаций, которые обратились за получением права на осуществление функций ПДАУ (такой организацией является и Заявитель), вследствие чего нарушается общий принцип реализации правовых норм, состоящий в том числе в необходимости мотивирования соответствующих актов;

— нарушают конституционное требование защиты достоинства и конституционного требования взаимного доверия государства и общества (ч. 1 ст. 21, ст. 75¹ Конституции РФ);

— не соответствуют конституционному принципу равенства (ст. 19 Конституции РФ), что обусловлено: а) нарушением конституционного требования защиты достоинства и конституционного требования взаимного доверия государства и общества (ч. 1 ст. 21, ст. 75¹ Конституции РФ); б) нарушением конституционного принципа правовой определенности;

— нарушают конституционный принцип информационной открытости органов публичной власти (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ);

— нарушают конституционные гарантии поддержки конкуренции и свободы экономической деятельности (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ), а также нарушают находящиеся в системной связи с этими гарантиями ч. 1 ст. 34 (право на свободное использование своих способностей для не запрещенной законом экономической деятельности) и ч. 2 ст. 35 Конституции РФ (право на использование имущества);

— нарушают конституционные гарантии на участие в управлении общественными делами посредством создания объединений (ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 32, ч. 1 ст. 37 Конституции РФ);

— нарушают конституционные гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (ч. 1 ст. 45, ч. 1 и ч. 2 ст. 46 Конституции РФ);

— не соответствуют конституционным гарантиям реализации прав и свобод (ст. 2, ст. 18 Конституции РФ);

— нарушают конституционный принцип равенства в контексте местонахождения Заявителя (ст. 19 Конституции РФ), а также конституционный принцип равноправия субъектов РФ (ч. 1 ст. 5 Конституции РФ);

— нарушают конституционные гарантии свободного развития (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ), свободы труда и выбора рода деятельности (ч. 1 ст. 37 Конституции

и распределения арбитражных сборов, за исключением непосредственно функций третейского суда по разрешению спора;» (п. 3 ст. 2 Закона об арбитраже).

² В соответствии с п. 9 ст. 2 Закона об арбитраже «*постоянно действующее арбитражное учреждение — подразделение некоммерческой организации, выполняющее на постоянной основе функции по администрированию арбитража*».

РФ), а также конституционные принципы правового государства, верховенства закона и справедливости (ст. 19 Конституции РФ), равно как нарушают и конституционные права членов гражданского общества по защите своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ);

— не соответствуют конституционному требованию соразмерности ограничения конституционных прав (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Ниже в подразделе 4.1 и затем в разделе VI настоящей жалобы подробно раскрывается, какие именно конституционные положения и принципы, а также конституционные права и свободы Заявителя нарушаются оспариваемыми положениями.

Далее любое указание на оспариваемые положения следует понимать как включающее в себя также указание на тот смысл, который придается им правоприменительной практикой.

Ниже любое указание на некоммерческую(-ие) организацию(-и), обратившую(-ие)ся за правом на осуществление функций ПДАУ следует понимать как относящееся прежде всего к Заявителю.

IV. НОРМЫ КОНСТИТУЦИИ РФ И ФЕДЕРАЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНА «О КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ», ДАЮЩИЕ ЗАЯВИТЕЛЮ ПРАВО НА ОБРАЩЕНИЕ В КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РФ. НАРУШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЗАЯВИТЕЛЯ

Положениями ч. 2 ст. 45 Конституции РФ каждому гарантируется право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

В соответствии с ч. 4 ст. 125 Конституции РФ, п. 3 ст. 3, ст. 36, ст. 96, ст. 97 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — **ФКЗ о КС РФ**) Заявитель обладает правом на обращение в Конституционный Суд РФ (далее также — **КС РФ**) с индивидуальной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод нормативными положениями, примененными в конкретном деле.

4.1. При применении оспариваемых положений в конкретном деле были нарушены конституционные права Заявителя.

Как показывается ниже в разделе V настоящей жалобы, **части 4, 6, 8 (п. 4), 9 и 10 ст. 44 Закона об арбитраже были непосредственно применены судами при рассмотрении конкретного дела Заявителя.**

В свете требований ст. 96 и ст. 97 ФКЗ о КС РФ оспариваемые положения в данном деле были применены именно таким образом, что конституционные права и свободы Заявителя были ими нарушены.

Судебные акты, вынесенные по делу Заявителя, демонстрируют то понимание и применение в судебной практике оспариваемых положений, которое противоречит Конституции РФ.

Оспариваемые положения, **в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой**, привели среди прочего к административному произволу публичной власти в отношении Заявителя, к **созданию произвольных препятствий для реализации Заявителем права на администрирование арбитража (осуществление функций ПДАУ), а также к невозможности восстановления судом нарушенных прав и интересов Заявителя.**

При применении оспариваемых положений в конкретном деле Заявителя были нарушены его конституционные права и свободы, в частности:

прежде всего имеющие конституционное наполнение права на равный доступ к осуществлению деятельности по администрированию арбитража, которые вытекают среди прочего из ч. 1 ст. 8 (поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности) и ч. 1 ст. 34³ Конституции РФ, в том числе в контексте принципа равенства (ст. 19 Конституции РФ). См. ниже подраздел 6.7 настоящей жалобы;

право на доступ к информации (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ). См. ниже подраздел 6.6 настоящей жалобы;

право на участие в управлении общественными делами посредством создания объединений (ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 32, ч. 1 ст. 37 Конституции РФ). См. ниже подраздел 6.8 настоящей жалобы;

право на государственную защиту свобод и законных интересов, включая право на судебную защиту (ч. 1 ст. 45, ч. 1 и ч. 2 ст. 46 Конституции РФ). См. ниже подраздел 6.9 настоящей жалобы;

право на свободное развитие (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ), право на свободу труда и выбор рода деятельности (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ). См. ниже подраздел 6.12 настоящей жалобы.

Ниже в разделе VI настоящей жалобы нарушения конституционных прав и свобод Заявителя обосновывается более подробно.

4.2. Заявитель вправе обращаться с жалобой на оспариваемые положения в том числе ввиду смысла, придаваемого им правоприменительной практикой.

Согласно ч. 2 ст. 74 ФКЗ о КС РФ *«Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу, или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов»* (здесь и далее подчеркивания и выделения полужирным шрифтом в тексте цитат введены Заявителем).

КС РФ ранее неоднократно признавал не соответствующими Конституции РФ положения нормативных актов в той мере, в какой они — **в том числе по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой,** — допускали нарушение конституционных прав⁴.

---

³ «1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

⁴ См., в частности, постановления КС РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П, от 22 ноября 2001 г. № 15-П, от 28 марта 2000 г. № 5-П, от 1 февраля 2021 г. № 3-П.

Обстоятельства конкретного дела Заявителя (см. ниже раздел V настоящей жалобы) свидетельствуют о том, что в судебной практике существуют такие последовательные необоснованные подходы к пониманию и применению оспариваемых положений, которые противоречат Конституции РФ и нарушают конституционные права и свободы Заявителя.

Следовательно, Заявитель вправе обращаться в КС РФ с настоящей жалобой на нарушение Конституции РФ оспариваемыми положениями, в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой.

4.3. При обращении в КС РФ с настоящей жалобой Заявителем соблюден установленный для этого срок при исчерпании внутригосударственных средств судебной защиты.

В соответствии с положениями п. 2 ст. 97 ФКЗ о КС РФ жалоба на нарушение законом конституционных прав и свобод должна быть подана *«в срок не позднее одного года после принятия судебного решения, которым исчерпываются внутригосударственные средства судебной защиты»*.

Согласно п. 3 ст. 97 ФКЗ о КС РФ *«под исчерпанием внутригосударственных средств судебной защиты понимается подача... кассационной жалобы в суд максимально высокой для данной категории дел инстанции...»*.

Последним актом, которым рассмотрение дела Заявителя было завершено, является определение Верховного Суда РФ (жалоба № 5-КАС21-152-К2) от **15 июня 2021 г.** об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (приложение № 10).

Следовательно, установленный срок подачи жалобы в КС РФ не истек, а внутригосударственные средства судебной защиты были исчерпаны.

V. ОПИСАНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИХ О ПРИМЕНЕНИИ ОСПАРИВАЕМЫХ ПОЛОЖЕНИЙ В КОНКРЕТНОМ ДЕЛЕ С УЧАСТИЕМ ЗАЯВИТЕЛЯ

5.1. Обстоятельствами, свидетельствующими о применении оспариваемых положений в конкретном деле с участием Заявителя, являются следующие.

Обстоятельства, предшествовавшие возникновению судебного разбирательства, в котором были неконституционным образом применены оспариваемые положения и нарушены права Заявителя

5.1.1. Заявитель — некоммерческая организация, при которой с 1995 г. действовал один из первых и старейших в России третейских судов — Сибирский третейский суд⁵.

В свете требований Закона об арбитраже Заявитель для получения права на осуществление функций ПДАУ многократно (пять раз) обращался в Минюст с заявлениями в порядке, установленном Законом об арбитраже. По всем обращениям

---

⁵ URL: <http://sts.arbitrage.ru/about/> (доступ по состоянию на 28 сентября 2021 г.).

в передаче документов на рассмотрение Совета было отказано по сугубо формалистическим причинам⁶.

И только с шестого раза документы Заявителя все же были переданы на рассмотрение в Совет. Однако на заседании Совета от 4 апреля 2019 г. было принято решение выдать рекомендацию об отказе в предоставлении Заявителю права на осуществление функций ПДАУ (итог голосования: 9 голосов «за», 35 — «против»).

При этом Заявителю указанная рекомендация Совета от 4 апреля 2019 г. была предоставлена по ходатайству Заявителя лишь после ее истребования судом вместе с выпиской из протокола № 1/19 заседания Совета от 4 апреля 2019 г. (приложения № 3 и № 4). **До этого Минюст данную рекомендацию Совета просто отказывался предоставлять.**

25 апреля 2019 г. Минюстом вынесено распоряжение № 518-р об отказе в предоставлении Заявителю права на осуществление функций ПДАУ (приложение № 5). Конкретные мотивы, по которым принято это решение, в названном распоряжении отсутствуют.

Письмом Минюста от 29 апреля 2019 г. № 12-56198/19 Заявитель был уведомлен о голосовании Совета и решении Минюста с приложением копии распоряжения Минюста от 25 апреля 2019 г. № 518-р (приложение № 6).

Судебное разбирательство и обстоятельства, свидетельствующие о применении неконституционным образом оспариваемых положений в конкретном деле Заявителя и нарушении этим его прав

5.1.2. 25 июля 2019 г. Заявитель обратился в Замоскворецкий районный суд с административным иском заявлением к Минюсту и Совету с требованиями:

— признать незаконным (недействительным) отказ Минюста в предоставлении Заявителю права на осуществление функций ПДАУ, выразившийся в форме распоряжения Минюста от 25 апреля 2019 г. № 518-р;

— признать незаконными действия Совета по принятию и выдаче по итогам заседания от 4 апреля 2019 г. рекомендации об отказе в предоставлении Заявителю права на осуществление функций ПДАУ;

— признать незаконными действия Минюста, выразившиеся в превышении его полномочий при рассмотрении Советом заявления Заявителя о выдаче рекомендации по предоставлению права на осуществление функций ПДАУ.

Решением Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 16 декабря 2019 г. по делу № 2а-835/2019 (далее также — **Решение** (приложение № 7)) в удовлетворении

---

⁶ Письма Минюста в адрес Заявителя от 24 января 2017 г. № 09-7806/17, от 27 апреля 2017 г. № 09-51154/17, от 13 июня 2017 г. № 09-69742/17, от 3 августа 2017 г. № 09-93082/17, от 5 апреля 2018 г. № 09-46198/18, от 29 августа 2018 г. № 12-115116/18 (приложение № 2).

Заявитель сообщает, что в июне 2021 г. он опять обращался в Минюст с заявлением о предоставлении права на осуществление функций ПДАУ. Письмом Минюста в адрес Заявителя от 8 июля 2021 г. № 12-78729/21 это заявление было возвращено (с отказом его рассматривать) по формалистическим причинам без передачи на рассмотрение Совета (см. также приложение № 2). Данное обстоятельство никак не может влиять на подачу и рассмотрение настоящей жалобы, поскольку в ней идет речь об иной ситуации, в которой обращение Заявителя было рассмотрено и Советом, и Минюстом, а их акты об отказе в предоставлении права на осуществление функций ПДАУ были обжалованы Заявителем в судебном порядке.

требований данного административного искового заявления было отказано в полном объеме.

При вынесении Решения суд первой инстанции указал следующее (здесь и далее выдержки, в которых выделены соответствующие моменты, приводятся исключительно для удобства КС РФ):

«Суд, выслушав объяснения представителей сторон, исследовав письменные материалы дела, приходит к следующим выводам.

<...>

*В соответствии с **частью 4 статьи 44** Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации“ (далее — Федеральный закон № 382-ФЗ) право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения предоставляется некоммерческой организации актом уполномоченного федерального органа исполнительной власти, принимаемым в установленном им порядке, **на основании рекомендации Совета** о предоставлении права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения.*

<...>

Согласно части 6.1 статьи 44 Федерального закона № 382-ФЗ для рассмотрения Советом по совершенствованию третейского разбирательства вопроса о выдаче рекомендации, предусмотренной частью 6 настоящей статьи, некоммерческая организация, при которой создается постоянно действующее арбитражное учреждение, представляет в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти следующие документы:

<...>

11) оригиналы или заверенные в установленном порядке копии документов и сведения, подтверждающие соответствие требованиям, предусмотренным пунктом 4 части 8 настоящей статьи, в том числе сведения о некоммерческой организации, при которой создается постоянно действующее арбитражное учреждение, ее учредителях (участниках) (наименование (фамилия, имя и в случае, если имеется, отчество), сведения о финансовых, экономических и иных показателях деятельности некоммерческой организации, реализуемых (реализованных) некоммерческой организацией проектах и проведенных мероприятиях, поддержке (и ее формах) некоммерческой организации органами государственной власти, международными организациями);

<...>

*В силу **части 6 статьи 44** Федерального закона № 382-ФЗ **Совет выдает мотивированную рекомендацию** о предоставлении или об отказе в предоставлении некоммерческой организации, при которой создается ПДАУ, права на осуществление функций ПДАУ по результатам анализа выполнения требований, предусмотренных частями 8 и 12 указанной статьи.*

***Исчерпывающий перечень критериев** установлен **частью 8 статьи 44** Федерального закона № 382-ФЗ. Предъявление дополнительных требований не допускается (**часть 9 статьи 44** Федерального закона № 382-ФЗ).*

На основании указанных норм Приложением № 1 к Положению утвержден рекомендуемый образец опросного листа члена Совета, в котором указаны следующие критерии:

<...>

*деятельность организации не направлена на развитие арбитража в Российской Федерации (пункт 4 **части 8 статьи 44** Федерального закона № 382-ФЗ);*

<...>.

*То есть мотивировочная часть, предусмотренная в опросных листах членов Совета на заседании 4 апреля 2019 г., соответствовала требованиям Федерального закона № [3]82-ФЗ и Положения. Членами Совета при голосовании „против“ выдачи рекомендации Минюсту России о предоставлении права на осуществление функций ПДАУ АНО „ЦАР“ **отмечены соответствующие конкретные основания. Поэтому доводы административного истца о недостаточной форме изложения критериев мотивированности являются необоснованными.***

Таким образом, при обсуждении вопрос[а] о выдаче рекомендации Советом принято решение о выдаче Минюсту России рекомендации об отказе в предоставлении права на осуществлени[е] функци[й] ПДАУ, так как репутация некоммерческой организации, масштаб и характер ее длительности [Sic! Видимо, речь идет о деятельности] с учетом состава ее учредителей не позволяет обеспечить высокий уровень организации деятельности постоянного действующего арбитражного учреждения, в том числе в части финансового обеспечения создания и деятельности соответствующего учреждения, также выявления несоответствия [Sic!] представленных правил ПДАУ требованиям Федерального закона № 382-ФЗ.

На основании такой рекомендации Минюстом России 25 апреля 2019 г. издано распоряжение № 518-р, административный истец информирован о результатах заседания Совета.

*В соответствии с **частью 10 статьи 44** Федерального закона № 382-ФЗ в случае выдачи Советом рекомендации об отказе в предоставлении права на осуществление функций ПДАУ Минюст России в течение 15 рабочих дней с даты соответствующего заседания Совета принимает **мотивированное решение об отказе в предоставлении некоммерческой организации, при которой создается ПДАУ, права на осуществление функций ПДАУ.** Минюст России уведомляет некоммерческую организацию, при которой создается ПДАУ, о принятом решении в течение 3 рабочих дней с даты принятия решения, а также возвращает в указанный срок все поданные документы.*

<...>

*Таким образом, распоряжение Минюста России от 25 апреля 2019 г. № 518-р **принято в порядке и сроки, предусмотренные Федеральным законом № 382-ФЗ и Положением.***

*В соответствии с требованиями **части 10 статьи 44** Федерального закона № 382-ФЗ и пунктом 34 Положения **в рассматриваемом распоряжении Минюста России в письме были указаны мотивы, по которым члены Совета проголосовали против выдачи рекомендации Минюсту России о предоставлении права на осуществление функций ПДАУ АНО „ЦАР“.***

<...>

Оценив представленные доказательства в их совокупности, суд приходит к выводу о том, что действия, распоряжение Минюста России приняты государственным органом в пределах своей компетенции, Советом соблюдены нормы Федерального закона № 382-ФЗ, Положения, права и законные интересы административного истца не нарушены, поэтому суд не находит оснований для удовлетворения требований».

5.1.3. Апелляционным определением Судебной коллегии по административным делам Московского городского суда от 24 сентября 2020 г. по делу № 2а-835/2019 (далее также — **Апелляционное определение** (приложение № 8)) Решение было оставлено без изменения.

В Апелляционном определении суд апелляционной инстанции согласился с выводом нижестоящего суда о законности отказа в предоставлении Заявителю права на осуществление функций ПДАУ:

«В соответствии с частью 8 статьи 44 Федерального закона № 382-ФЗ некоммерческой организации, при которой создается постоянно действующее арбитражное учреждение, предоставляется право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения или отказывается в предоставлении такого права по результатам анализа соответствия следующим требованиям:

<...>.

Члены Совета вправе участвовать в обсуждении на заседании всех рассматриваемых Советом вопросов и принятии решений по ним, выразить мнение в письменной или устной форме по рассматриваемым Советом вопросам.

Учитывая данное обстоятельство, суд первой инстанции обоснованно отметил[,] что решение вопроса о выдаче мотивированной рекомендации либо отказе происходит по результатам коллегиального обсуждения, суд не вправе проверять причины принятия такого решения. Проверке подлежит только процедура его принятия.

Доводы административного иска и апелляционной жалобы о том, что принятое Советом решение немотивированно, судебная коллегия находит надуманными, из материалов дела следует, что Совету были представлены все необходимые документы, которые являлись предметом исследования членов Совета.

В силу части 6 статьи 44 Федерального закона № 382-ФЗ Совет выдает мотивированную рекомендацию о предоставлении или об отказе в предоставлении некоммерческой организации, при которой создается ПДАУ, права на осуществление функций ПДАУ по результатам анализа выполнения требований, предусмотренных частями 8 и 12 указанной статьи.

Исчерпывающий перечень критериев установлен частью 8 статьи 44 Федерального закона № 382-ФЗ. Предъявление дополнительных требований не допускается (часть 9 статьи 44 Федерального закона № 382-ФЗ).

На основании указанных норм Приложением № 1 к Положению утвержден рекомендуемый образец опросного листа члена Совета, в котором указаны следующие критерии:

<...>.

Советом принято решение о выдаче Минюсту России рекомендации об отказе в предоставлении права на осуществлени[е] функци[й] ПДАУ, поскольку репутация некоммерческой организации, масштаб и характер ее длительности [Sic! Видимо, речь идет о деятельности] с учетом состава ее учредителей не позволяет обеспечить высокий уровень организации деятельности постоянно действующего арбитражного учреждения, в том числе в части финансового обеспечения создания и деятельности соответствующего учреждения, также выявления несоответствия [Sic!] представленных правил ПДАУ требованиям Федерального закона № 382-ФЗ.

<...>

В соответствии с частью 10 статьи 44 Федерального закона № 382-ФЗ в случае выдачи Советом рекомендации об отказе в предоставлении права на осуществление функций ПДАУ Минюст России в течение 15 рабочих дней с даты соответствующего заседания Совета принимает мотивированное решение об отказе в предоставлении некоммерческой организации, при которой создается ПДАУ, права на осуществление функций ПДАУ. Минюст России уведомляет некоммерческую организацию, при которой создается ПДАУ, о принятом решении в течение 3 рабочих

дней с даты принятия решения, а также возвращает в указанный срок все поданные документы.

<...>

На основании результатов голосования **Секретарь Совета** в срок не более 10 рабочих дней с даты проведения заседания Совета **готовит рекомендацию Минюсту России** о предоставлении или об отказе в предоставлении права на осуществление функций ПДАУ, которая подписывается Председателем Совета или в случае отсутствия Председателя Совета, по его поручению, заместителем Председателя Совета, а также Секретарем Совета.

Таким образом, распоряжение Минюста России от 25 апреля 2019 г. № 518-р принято в порядке и сроки, предусмотренные законом».

5.1.4. Кассационным определением Судебной коллегии по административным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2021 г. по делу № 88а-272/2021 (далее также — **Кассационное определение** (приложение № 9)) Решение и Апелляционное определение были оставлены без изменения.

При этом в Кассационном определении указывалось:

«Отказывая в удовлетворении административного иска, суд первой инстанции исходил из того, что оспариваемые распоряжение и рекомендация Совета, являются законными и обоснованными, принятыми уполномоченными органами, в пределах предоставленных законом полномочий, с соблюдением установленной законом процедуры, при наличии установленных законом оснований для отказа в выдаче разрешения на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения».

С таким выводом суда правомерно согласился суд апелляционной инстанции, не найдя оснований для его отмены».

<...>

Рекомендация Совета мотивирована (т. 1 л.д. 202), равно как и **мотивировано распоряжение Минюста России** от 25 апреля 2019 года № 518-р.

Основания отказа АНО „ЦАР“ в выдаче разрешения на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения соответствуют положениям **части 8 статьи 44** Федерального закона от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации“».

5.1.5. В Кассационном определении от **15 июня 2021 г.** по производству № 5-КАС21-152-К2 (далее также — **Определение ВС РФ** (приложение № 10)) Верховный Суд РФ отказал Заявителю в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ. При этом в Определении ВС РФ также было указано:

*«Отказывая в удовлетворении административного иска, проанализировав положения нормативных правовых актов, приведённых в обжалуемых судебных актах, а также принимая во внимание установленные по делу обстоятельства, суд первой инстанции, с которым согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, правильно исходил из того, что **Решение о рекомендации принято Советом с соблюдением установленной процедуры рассмотрения заявления Организации и голосования**; Распоряжение издано в установленном порядке уполномоченным органом в соответствии с требованиями законодательства, является **обоснованным и правомерным**, при этом административными ответчиками неправомерных действий (бездействия) не совершено».*

5.2. В судебных актах, вынесенных по делу Заявителя, суды позволили считать допустимым и соответствующим закону, что, в частности:

— Совет может не выдавать мотивированную рекомендацию с конкретизацией обстоятельств, на основании которых он установил несоответствие некоммерческой организации требованиям Закона об арбитраже (для последующего ее представления Минюсту);

— в своем решении об отказе в предоставлении права на осуществление функций ПДАУ Минюст также может не указывать его конкретные мотивы;

— при решении вопроса о предоставлении права на осуществление функций ПДАУ подлежать учету может иной, произвольно введенный критерий, который непосредственно Законом об арбитраже не предусмотрен (суды об этом прямо не сказали, само собой, но такая их позиция ясно видна, если оценивать их акты в свете того, что имело место при голосовании на заседании Совета в отношении Заявителя (см. ниже подраздел 6.1 настоящей жалобы)).

При этом суды придерживаются подхода о том, что при осуществлении судебного контроля проверяется исключительно процедура принятия рекомендации Советом и решения Минюстом безотносительно к содержанию данных актов, причем посредством сугубо формалистического толкования оспариваемых положений и без учета необходимости соблюдения конституционных прав и свобод Заявителя.

Все это влечет за собой нарушение оспариваемыми положениями, в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, названных выше положений и принципов Конституции РФ, а также конституционных прав и свобод Заявителя (см. подробнее ниже раздел VI настоящей жалобы).

Ниже под «судами» понимаются государственные суды, включая указанные выше.

VI. НАРУШЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ РФ И КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЗАЯВИТЕЛЯ ОБЖАЛУЕМЫМИ ПОЛОЖЕНИЯМИ

6.1. Нарушение ч. 8 (п. 4) и ч. 9 ст. 44 Закона об арбитраже конституционного требования (критерия) правовой определенности, а также нарушение оспариваемыми положениями конституционного требования непротиворечивости правового регулирования (в частности, ст. 1, ч. 2 ст. 4 и ст. 19 Конституции РФ).

Осуществляемое законодателем правовое регулирование, как неоднократно указывал КС РФ, должно быть ясным, четким и непротиворечивым, обеспечивать взаимную согласованность соответствующих норм. Порядок реализации того или иного права должен создавать условия для эффективного достижения связанных с этим правом социальных целей и интересов, обеспечивать субъекту правоотношений возможность соотносить свое поведение с нормативно установленными предписаниями, предвидеть в разумной степени последствия, которые может повлечь за собой то или иное его действие. **Все это может обеспечиваться только тем правовым регулированием, которое является определенным.** Напротив, неопределенность правового регулирования служит предпосылкой для произвола и может приводить к нарушению не только принципов равенства и верховенства закона, но и гарантий государственной, включая судебную, защиты прав и свобод. Соответствующие подходы изложены, в частности, в постановлениях КС РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П, от 23 декабря 1997 г. № 21-П, от 23 февраля 1999 г. № 4-П,

от 21 апреля 2003 г. № 6-П, от 2 марта 2010 г. № 5-П, от 14 мая 2013 г. № 9-П, от 13 мая 2014 г. № 14-П и др.

В п. 5.2 Постановления КС РФ от 20 декабря 2011 г. № 29-П указано: *«В силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в ряде его решений (постановления от 25 апреля 1995 года № 3-П, от 5 июля 2001 года № 11-П, от 6 апреля 2004 года № 7-П и др.), неопределенность содержания правовой нормы не может обеспечить ее единообразное понимание, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона; поэтому самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы, влекущего ее произвольное толкование правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации».*

Также и в п. 3.4 Постановления от 22 ноября 2017 г. № 31-П КС РФ подчеркнул: *«По смыслу правовой позиции, неоднократно выраженной Конституционным Судом Российской Федерации, из принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства, закрепленных в статьях 1 (часть 1), 4 (часть 2), 15 (части 1 и 2) и 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, **вытекает общеправовой критерий определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы, без чего невозможно ее единообразное понимание и, соответственно, применение; неоднозначность, нечеткость и противоречивость правового регулирования препятствуют адекватному уяснению его содержания, допускают возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, ведут к произволу и тем самым ослабляют гарантии защиты конституционных прав и свобод; поэтому самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы, порождающего возможность ее произвольного толкования правоприменителем, как правило, достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации (постановления от 25 апреля 1995 года № 3-П, от 5 июля 2001 года № 11-П, от 6 апреля 2004 года № 7-П, от 20 декабря 2011 года № 29-П, от 2 июня 2015 года № 12-П и др.)**».*

Разновидностью нарушения конституционного требования правовой определенности законодательного регулирования является его **неполнота, фрагментарность, пробельность**. В делах конкретного нормоконтроля основание для признания оспариваемых норм неконституционными образует в том числе отсутствие надлежащего по полноте правового регулирования, если следствием имеющейся неурегулированности отношений является нарушение конституционных прав. КС РФ четко связывает неполноту регулирования с его неопределенностью: *«Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на конституционное значение выявляемых в правовом регулировании пробелов — как снижающих уровень гарантий судебной защиты прав и свобод человека и гражданина (Постановление от 31 марта 2015 года № 6-П, Определение от 10 марта 2016 года № 448-О и др.). Общая позиция Конституционного Суда Российской Федерации состоит в том, что признание законодателем того или иного права при отсутствии его специального нормативного обеспечения ставит субъектов правоотношений в ситуацию недопустимой неопределенности, что говорит о неконституционности правового регулирования (Постановление от 14 ноября 2005 года № № 10-П). Неопределенность закона порождает возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного его применения, что не отвечает требованиям равенства и справедливости» (п. 7 Постановления от 13 мая 2021 г. № 18-П).*

Между тем в оспариваемой ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже **отсутствуют**

ясные и четкие критерии, которые должны были бы учитываться (т.е. создаются условия неопределенности) при решении вопроса о предоставлении права на администрирование арбитража (на осуществление функций ПДАУ). Это влечет предъявление к некоммерческой организации, претендующей на получение данного права, необоснованных и избыточных требований с учетом указанной неопределенности, причем такое делается Советом и Минюстом в правоприменительной практике использования ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже (в том числе в совокупности с ч. 9 его ст. 44) намеренно. Суды с их подходом соглашаются.

Это нарушает требование (критерий) правовой определенности прежде всего применительно к имеющим конституционное наполнение правам Заявителя на равный доступ к осуществлению деятельности по администрированию арбитража, которые вытекают среди прочего из ч. 1 ст. 8 (поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности) и ч. 1 ст. 34⁷ Конституции РФ (см. также ниже пояснения в подразделе 6.7 настоящей жалобы).

В соответствии с ч. 8 ст. 44 Закона об арбитраже некоммерческой организации, при которой создается ПДАУ, предоставляется право на осуществление функций ПДАУ или отказывается в предоставлении такого права по результатам анализа соответствия следующим требованиям:

«1) соответствие представленных правил постоянно действующего арбитражного учреждения требованиям настоящего Федерального закона;

2) наличие у постоянно действующего арбитражного учреждения рекомендованного списка арбитров, соответствующего требованиям настоящего Федерального закона;

3) достоверность представленной информации о некоммерческой организации, при которой создано постоянно действующее арбитражное учреждение, и ее учредителях (участниках);

4) репутация некоммерческой организации, при которой создается постоянно действующее арбитражное учреждение, масштаб и характер ее деятельности с учетом состава ее учредителей (участников) позволят обеспечить высокий уровень организации деятельности постоянно действующего арбитражного учреждения, в том числе в части финансового обеспечения создания и деятельности соответствующего учреждения, осуществление указанной организацией деятельности, направленной на развитие арбитража в Российской Федерации» (подчеркнуто оспариваемое положение).

Согласно ст. 44 Закона об арбитраже некоммерческая организация представляет для рассмотрения Советом документы и сведения, подтверждающие ее соответствие требованиям, предусмотренным ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже⁸. Так, согласно п. 11 ч. 6¹ ст. 44 Закона об арбитраже некоммерческая организация представляет в Минюст оригиналы или заверенные в установленном порядке копии документов и сведения, подтверждающие соответствие требованиям, предусмотренным

---

⁷ «1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

⁸ До 29 марта 2019 г. представление документов для подтверждения соответствия требованиям п. 4 ч. 8 ст. 44 Закона регулировалось подп. 11 п. 1 Приложения к Положению о порядке создания и деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства, утвержденному Приказом Минюста от 13 июля 2016 г. № 165. С 29 марта 2019 г. соответствующее регулирование содержится в п. 11 ч. 6¹ ст. 44 Закона об арбитраже.

оспариваемой ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже («*репутация некоммерческой организации, ... масштаб и характер ее деятельности..., высокий уровень организации деятельности..., в том числе в части финансового обеспечения создания и деятельности..., направленной на развитие арбитража...*»), а именно следующие данные в отношении некоммерческой организации, при которой создается ПДАУ:

- сведения о финансовых, экономических и иных показателях деятельности;
- сведения о реализуемых (реализованных) некоммерческой организацией проектах и проведенных мероприятиях;
- сведения о поддержке (и ее формах) некоммерческой организации органами государственной власти, международными организациями.

При этом ни законодатель, ни правоприменитель не конкретизировали:

— критерии оценки наличия у некоммерческой организации репутации для получения права на осуществление функций ПДАУ;

— требования к конкретному масштабу и характеру ее деятельности, необходимым для получения данного права, равно как и взаимосвязь между такими масштабом, характером деятельности и наличием необходимой для получения соответствующего права репутацией;

— конкретный состав документов для подтверждения возможности финансового обеспечения некоммерческой организацией создания и деятельности соответствующего ПДАУ;

— минимально достаточные финансово-экономические параметры деятельности некоммерческой организации, которые должны быть достигнуты для осуществления указанного права.

Ввиду этого оспариваемая ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже носит абстрактный, неопределенный, произвольно-оценочный характер. Это во взаимосвязи с возложением на саму некоммерческую организацию бремени подтверждения наличия соответствующей репутации предоставляет Минюсту, как и Совету, по сути безграничные дискреционные полномочия, открывающие возможности для произвола в плане препятствования реализации имеющих конституционное наполнение прав на равный доступ к осуществлению деятельности по администрированию арбитража, которые вытекают среди прочего из ч. 1 ст. 8 (поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности) и ч. 1 ст. 34⁹ Конституции РФ, в том числе в контексте принципа равенства (ст. 19 Конституции РФ).

При этом любая некоммерческая организация-заявитель, поскольку конкретика в отношении тех критериев и требований, которые должны были бы к ней применяться, просто отсутствует, также лишена возможности настаивать на соблюдении четких правил самим Советом и Минюстом, равно как и приводить в рамках непосредственного участия в заседании Совета аргументы, подтверждающие возможность получения ею права на осуществление функций ПДАУ.

Между тем в п. 5 Постановления от 23 декабря 2013 г. № 29-П КС РФ поясняется: **«Требование определенности правового регулирования, вытекающее из конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства, предполагает, что механизм его [регулирующего] действия должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений**

---

⁹ «1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

из содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся в очевидной взаимосвязи нормативных положений...» (аналогично в постановлениях КС РФ от 4 июня 2015 г. № 13-П, от 27 мая 2008 г. № 8-П)¹⁰.

Однако оспариваемая ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже такова по своему содержанию, что понятной некоммерческим организациям-заявителям быть просто не может.

И эта ее неопределенность намеренно используется Советом и Минюстом для нарушения прав некоммерческих организаций-заявителей.

Так, например, в деле Заявителя данная неопределенность критериев и необоснованная дискреция ярко проявились в том, что согласно выписке из протокола № 1/19 заседания Совета от 4 апреля 2019 г. (приложение № 4) **критерий, использованный Минюстом при формулировании вопроса для голосования на заседании Совета («деятельность организации не направлена на развитие арбитража в Российской Федерации»), просто даже и не предусмотрен Законом об арбитраже ни в качестве самостоятельного, ни в качестве дополнительного или даже подразумеваемого требования.**

Формулировка изложенного критерия **лишь напоминает** фрагмент текста положения ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже. Однако это **совершенно другой критерий, а не тот, который произвольно введен Минюстом.**

Как указано выше и с очевидностью следует из точного смысла ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже, содержащееся в нем требование к некоммерческой организации состоит, в частности, в том, что *«репутация некоммерческой организации... масштаб и характер ее деятельности с учетом состава ее учредителей (участников) позволят обеспечить... осуществление указанной организацией деятельности, направленной на развитие арбитража в Российской Федерации».*

В данном положении законодателем предполагалось, что на момент принятия решения Советом некоммерческая организация имеет такие характеристики, которые в случае получения ею права на осуществление функций ПДАУ будут **в дальнейшем способствовать осуществлению развития арбитража в Российской Федерации.**

Отдельная же оценка того, направлена или не направлена деятельность некоммерческой организации на развитие арбитража **уже на момент принятия решения Советом, Законом об арбитраже вовсе даже и не предполагается**, в том числе потому, что некоммерческая организация, подавшая заявление, **еще только претендует на получение права на осуществление функций ПДАУ и не может выполнять эти функции на момент подачи заявления.**

Конечно же, Минюст может заявить, что «развитие арбитража» — более широкая категория, чем «осуществление функций ПДАУ», и что любая некоммерческая организация может заниматься развитием арбитража и без получения права на осуществление функций ПДАУ. Это было бы, безусловно, лукавством со стороны Минюста. На самом деле в ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже указание на развитие арбитража четко увязано с указанием на осуществление функций ПДАУ, эти указания находятся в неразрывном системном единстве, так что искусственно

---

¹⁰ Кроме того, согласно позиции КС РФ в п. 4 Постановления от 21 мая 2013 г. № 10-П: *«4. Из принципов правового государства, справедливости и равенства всех перед законом и судом (статьи 1, 18 и 19 Конституции Российской Федерации) вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания правовой нормы».*

обособлять их для целей конституционного толкования, разрывать их невозможно.

Следовательно, в силу абстрактного, неопределенного и произвольно-оценочного характера данных критериев (отсутствия у них ясности и четкости) правоприменителями допускается такое неконституционное толкование и использование ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже, которое позволяет Совету и Минюсту осуществлять произвол при обращении к такой ч. 8 (п. 4), в том числе вводя абсолютно иные критерии, которые непосредственно оспариваемыми положениями и не предусмотрены.

В итоге к некоммерческим организациям-заявителям **произвольно предъявляются по сути дополнительные требования, помимо установленных Законом об арбитраже.**

Между тем в силу прямого императивного предписания ч. 9 ст. 44 Закона об арбитраже предъявление дополнительных требований, за исключением установленных ч. 8 данной статьи, не допускается.

Однако проблема в том, что и Совет, и Минюст, и суды в своей правоприменительной практике (см. выше раздел V настоящей жалобы) произвольно истолковали и использовали ч. 9 ст. 44 Закона об арбитраже неконституционным образом: якобы она не препятствует тому ненадлежащему применению ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже, которое самими Советом и Минюстом и осуществляется.

КС РФ в п. 4 Постановления от 19 апреля 2018 г. № 16-П предупреждал о недопустимости административного произвола публичной власти в процессе правоприменения, вызванного неопределенностью правового регулирования: соответствующее положение закона *«не может оцениваться как согласующ[ее]я с общеправовым критерием определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы, без которого недостижимо ее единообразное понимание и применение, что, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, неминуемо препятствует адекватному уяснению содержания и предназначения правового регулирования, допускает возможность неограниченного усмотрения публичной власти в процессе правоприменения, создает предпосылки для административного произвола и избирательного правосудия, ослабляя тем самым гарантии защиты конституционных прав и свобод; поэтому самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы вполне может быть достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации...»*.

В отсутствие ясных, четких, определенных критериев, подлежащих учету при предоставлении права на осуществление функций ПДАУ, ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже допускает предъявление к некоммерческой организации, претендующей на получение данного права, **произвольных, необоснованных и чрезмерных требований.**

Более того, оспариваемые положения, включая ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже, являются внутренне противоречивыми. В самом деле, чтобы иметь право на осуществление функций ПДАУ, некоммерческая организация должна сначала получить положительную рекомендацию Совета и решение Минюста. До этого момента администрировать арбитраж некоммерческая организация не вправе. Но как может она заработать себе требуемую репутацию (которой следует быть связанной прежде всего с администрированием арбитража) и начать обладать иными соответствующими характеристиками (которым также следует быть связанными прежде всего с администрированием арбитража) в сфере такого администрирования,

если изначально заниматься им она не вправе?

Между тем оспариваемая ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже требует наличия репутации (в связи с деятельностью по администрированию арбитража) в условиях, когда согласно иным оспариваемым положениям начать такую деятельность еще невозможно. Создается внутреннее противоречие, телега ставится впереди лошади. Между тем, *«Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из принципов правового государства и справедливости вытекает обращенное к законодателю требование формальной определенности, ясности и непротиворечивости правового регулирования...»* (п. 2 Постановления от 25 апреля 2018 г. № 17-П).

В итоге по сути перекрывается возможность обращения в Совет и Минюст вновь созданным некоммерческим организациям, поскольку «репутационный критерий» (в том числе учитывая его неопределенный характер) в ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже сводит на нет их шансы получить право на осуществление функций по администрированию арбитража. **Это просто невыполнимый для вновь созданных некоммерческих организаций критерий «на входе» (в том числе учитывая его неопределенный характер), превращающий их права в ничто.**

Непротиворечивым в данном плане может являться только то правовое регулирование, которое предусматривает репутационный контроль «на выходе», а не «на входе», *ex post*, а не *ex ante*: заявитель сначала реализует свое право на получение доступа к администрированию арбитража, и только через определенный период времени к нему могут применяться конкретные требования к репутации, несоответствие которым должно повлечь утрату им такого права.

В этом плане также выглядит странным первоначальное признание со стороны Минюста наличия у некоммерческой организации специальной правоспособности по созданию и осуществлению деятельности ПДАУ в ее учредительных документах, которые изначально регистрирует сам Минюст согласно Закону о НКО (указание на такую правоспособность в этих документах является обязательным условием для последующего обращения в Совет и Минюст за получением права на выполнение функций ПДАУ) с последующим произвольным умалением (игнорированием) указанной правоспособности некоммерческой организации путем отказа ей в выдаче положительной рекомендации Советом и предоставлении ей права на администрирование арбитража Минюстом.

Это опять-таки **не просто произвольное снижение уже достигнутого уровня гарантированности права участников гражданского оборота (нарушение конституционного требования баланса частных и публичных интересов (см. ниже подраздел 6.15 настоящей жалобы)) на получение полномочий администрировать арбитраж, но и очередное нарушение конституционного требования непротиворечивости правового регулирования:** в данном случае право, изначально признаваемое самим Минюстом за некоммерческой организацией согласно Закону о НКО, благодаря оспариваемым положениям, в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, превращается именно в «голое право».

Заявитель подчеркивает, что подобная ситуация сложилась именно из-за оспариваемых положений, в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, в частности из-за

а) несоответствия прежде всего ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже конституционному требованию (критерию) правовой определенности, также и по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой (включая судебную), в том числе во взаимосвязи с неконституционной правоприменительной практикой

в отношении ч. 9 ст. 44 Закона об арбитраже; и

б) несоответствия оспариваемых положений конституционному требованию непротиворечивости правового регулирования.

За счет этого оспариваемые положения, по мнению Заявителя, целенаправленно и неконституционным образом превращены Советом и Минюстом в инструмент недопуска некоммерческих организаций-заявителей (включая Заявителя) к администрированию арбитража в РФ.

При этом суды в конкретном деле Заявителя проигнорировали имевший место административный произвол публичной власти в отношении Заявителя, на который им было указано (см. выше раздел V настоящей жалобы).

В итоге это повлекло нарушение прежде всего имеющих конституционное наполнение прав Заявителя на равный доступ к осуществлению деятельности по администрированию арбитража, которые вытекают среди прочего из ч. 1 ст. 8 (поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности) и ч. 1 ст. 34¹¹ Конституции РФ (равно как и иных конституционных прав Заявителя, указанных ниже в настоящей жалобе).

6.2. Нарушение ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже конституционного требования защиты достоинства и конституционного требования взаимного доверия государства и общества (ч. 1 ст. 21, ст. 75¹ Конституции РФ).

Коль скоро в силу ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже обратившаяся за получением права на осуществление функций ПДАУ некоммерческая организация должна **документально подтвердить** свое соответствие требованиям данной ч. 8 (п. 4), **наличие у нее репутации**, необходимой для осуществления указанных функций, не только не предполагается, а, напротив, **ставится под сомнение**.

Такое нормативно-правовое регулирование необоснованно вводит **эффективную презумпцию отсутствия у некоммерческой организации** необходимой для осуществления администрирования арбитража репутации. При этом **обязанность по опровержению** данной презумпции возлагается на саму некоммерческую организацию, тогда как конкретные формы и критерии, подлежащие использованию для такого опровержения, в четком виде вообще **не установлены** (т.е. имеет место несоответствие конституционному требованию (критерию) правовой определенности).

Использование законодателем подобного приема правового регулирования доступа к осуществлению той или иной деятельности, **когда вводится презумпция отсутствия надлежащей репутации** в сочетании с возложением на самого заявителя обязанности ее опровержения, является **беспрецедентным в российском законодательстве**, отражает ничем не подкрепленную общую, неиндивидуализированную подозрительность в отношении любых некоммерческих организаций, стремящихся к приобретению права на администрирование арбитража.

И это делается вразрез с п. 5 ст. 10 ГК РФ, согласно которому *«Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются»*. **Между тем необходимые основания для такого**

---

¹¹ «1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

отступления от принципа добросовестности отсутствуют.

При этом КС РФ уже указывал на то, что в российском праве имеется «*принцип добросовестности участников правоотношений*», «*вытекающий из Конституции Российской Федерации, ее статей 1, 15 (части 1 и 2), 17 (части 1 и 3), 18, 21 (часть 1) и 49*» (см., например, п. 5 Постановления от 26 марта 2021 г. № 8-П, п. 3 Постановления от 22 июня 2017 г. № 16-П и др.).

КС РФ также констатировал, что «*критерий добросовестности участников правоотношений*» вытекает из «*принципов юридического равенства и справедливости*» (п. 2 Постановления от 22 июня 2017 г. № 16-П).

В не менее общественно значимых сферах экономической деятельности, объективно предполагающих необходимость наличия высокой репутации, в частности банковской, микрофинансовой, страховой, законодатель использует иной правовой подход, согласно которому именно неудовлетворительная репутация является основанием для отказа в допуске, а конкретные критерии (характеристики), позволяющие оценить репутацию в качестве неудовлетворительной, формулируются непосредственно в законе (или в принятом в соответствии с законом нормативно-правовом акте) в виде исчерпывающего перечня (п. 5 ч. 1 ст. 16¹² Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-І «О банках и банковской деятельности», ст. 4¹⁻¹¹³, ст. 4³ Федерального закона от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», п. 6¹ ст. 32¹¹⁴ Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-І «Об организации страхового дела в Российской Федерации»).

Последний (взвешенный и разумный) подход **принципиально отличается** от того, который применен в отношении некоммерческих организаций-заявителей при решении вопроса о предоставлении им права на осуществление администрирования арбитража. В только что перечисленных и иных подобных законодательных положениях **предполагается, что репутация заявителя как таковая не ставится под сомнение.** Однако уполномоченный орган, решающий вопрос о предоставлении конкретного права, должен выяснить, не имеется ли в деятельности заявителя признаков, указывающих на его неудовлетворительную репутацию. Иными словами,

---

¹² «Под неудовлетворительной деловой репутацией учредителя (участника) кредитной организации понимаются:

наличие на день, предшествующий дню получения Банком России документов для государственной регистрации кредитной организации, у учредителя (участника) неснятой или непогашенной судимости за совершение умышленного преступления;

<...>».

¹³ «Под несоответствием лица требованиям к деловой репутации понимается:

1) наличие на день, предшествующий дню назначения (избрания) лица на должность или дню подачи в Банк России заявления о согласовании кандидатуры, у лица (за исключением кандидата на должность специального должностного лица, ответственного за реализацию правил внутреннего контроля в микрофинансовой компании в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения) неснятой или непогашенной судимости за совершение умышленного преступления;

<...>».

¹⁴ «Под несоответствием лица требованиям к деловой репутации понимается:

1) наличие на день, предшествующий дню назначения (избрания) на должность или дню подачи в орган страхового надзора заявления о согласовании кандидатуры, у лица (за исключением кандидата на должность специального должностного лица, ответственного за реализацию правил внутреннего контроля в страховой организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения) неснятой или непогашенной судимости за совершение умышленного преступления;

<...>».

именно уполномоченный орган должен доказать в соответствии с установленными критериями, что заявитель не обладает необходимой для получения конкретного права репутацией, и отсутствие должной репутации является основанием для отказа в предоставлении права.

Совершенно другая ситуация складывается применительно к третейской сфере, где презумпция добросовестности отвергается, а **все некоммерческие организации-заявители ставятся под подозрение и сами вынуждены обосновывать свою репутацию, доказывать свою благонадежность и добросовестность** (которая вообще-то должна предполагаться).

Само по себе такое правовое регулирование является посягательством на содержащееся в ч. 1 ст. 21¹⁵ Конституции РФ императивное требование **уважения, охраны государством достоинства личности, предполагающее недопустимость его умаления**. Закрепленный в этой конституционной норме принцип имеет фундаментальное и универсальное значение, в полной мере распространяется не только на индивидуальных, но и на коллективных субъектов, каковыми являются объединения граждан и, соответственно, некоммерческие организации. В их отношении **принцип безусловной охраны достоинства требует уважения профессиональной, деловой репутации и должен исключать произвольные, необоснованные подозрения в недобросовестности**.

Более того, согласно ст. 75¹ Конституции РФ *«В Российской Федерации создаются условия... для взаимного доверия государства и общества...»*¹⁶. Данное положение является тесно связанным по смыслу с ч. 1 ст. 21 Конституции РФ (императивным требованием уважения государством достоинства личности, предполагающим недопустимость его умаления) и может считаться развивающим смысл последней.

Кроме того, указанное положение о взаимном доверии не может не быть связанным с конституционным принципом (критерием) добросовестности, которая в отношении участников оборота должна предполагаться.

Является очевидным, что использование законодателем такого приема правового регулирования доступа к осуществлению той или иной деятельности, **когда презумпция добросовестности отвергается и вводится презумпция отсутствия надлежащей репутации** в сочетании с возложением на самих заявителей обязанности ее опровержения, не соответствует не только конституционному требованию охраны достоинства, но и только что приведенному конституционному положению о доверии.

В результате в отношении Заявителя имел место административный произвол публичной власти (Совета и Минюста), а суды его в конкретном деле Заявителя проигнорировали (см. выше раздел V настоящей жалобы).

Это повлекло нарушение прежде всего имеющих конституционное наполнение прав Заявителя на равный доступ к осуществлению деятельности по администрированию арбитража, которые вытекают среди прочего из ч. 1 ст. 8

---

¹⁵ «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления».

¹⁶ Заявителю известно, что данная статья Конституции РФ вступила в силу в 2020 г., т.е. уже после вынесения Решения. Однако Апелляционное определение, Кассационное определение и Определение ВС РФ (см. выше раздел V) были вынесены позднее ее вступления в силу.

При этом ввиду того, что ст. 75¹ и ч. 1 ст. 21 Конституции РФ по смыслу тесно связаны и первая может считаться развивающей смысл второй, ст. 75¹ в данном случае не учитываться не может.

(поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности) и ч. 1 ст. 34¹⁷ Конституции РФ (равно как и конституционных прав Заявителя, указанных ниже в настоящей жалобе).

6.3. Нарушение оспариваемыми положениями общего конституционного принципа реализации правовых норм, состоящего в том числе в необходимости мотивирования соответствующих решений.

Применение любой нормы требует ее соотнесения с фактическими обстоятельствами. *«В частности, на необходимость соответствия избранного основания [действия] тем фактическим обстоятельствам, которые послужили его причиной, ранее уже указывал Конституционный Суд Российской Федерации, отмечая при этом, что такое соответствие обусловлено требованием правовой определенности, выступающей одним из основных признаков верховенства права, и согласуется также с общим принципом реализации правовых норм, предполагающим, в частности, возможность применения правовой нормы только при условии, что имеющие место фактические обстоятельства соответствуют сформулированному законодателем содержанию нормы...»* (п. 2 Постановления КС РФ от 29 марта 2016 г. № 8-П; см. также Определение КС РФ от 9 декабря 2014 г. № 2749-О). **Такая возможность реализуется только в том случае, если применимость / неприменимость правовой нормы будет надлежащим образом мотивирована.**

В п. 5 Постановления от 23 декабря 2013 г. № 29-П КС РФ указал: *«Требование определенности правового регулирования, вытекающее из конституционных принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства, предполагает, что механизм его [регулирования] действия должен быть понятен субъектам соответствующих правоотношений из содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся в очевидной взаимосвязи нормативных положений...»* (аналогично в постановлениях КС РФ от 4 июня 2015 г. № 13-П, от 27 мая 2008 г. № 8-П). **Понимание субъектами правоотношений тех или иных механизмов регулирования опять-таки возможно, только если соответствующие решения будут мотивированными.**

Мотивированность решений и действий субъектов, на которых законом возложено осуществление публичных функций и задач, при реализации ими своих полномочий в качестве общего, универсального принципа связывает всех таких субъектов и играет важную роль при оценке законности их решений, действий. Наличие у субъекта, наделенного публичными функциями и полномочиями, определенного усмотрения по их реализации предполагает необходимость обоснования конкретного решения (действия), в частности с точки зрения правильности выбора норм, подлежащих применению, с учетом конкретных фактических обстоятельств и соответствия такого решения (действия) целям, принципам, смыслу, которые в этих нормах выражены.

В тех же случаях, когда законодатель специально оговаривает требование мотивированности решения субъекта властных отношений по конкретному вопросу, это особым образом свидетельствует о более высоком стандарте качества аргументации в конкретной сфере, о повышенном уровне ответственности такого

---

¹⁷ «1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

субъекта по обоснованию соответствующего решения (тем более в рамках судебного контроля за законностью правоприменительных актов).

Также очевидно, что требование мотивированного характера решения органа власти приобретает особое, большое значение в том случае, когда речь идет о решении, препятствующем заинтересованному лицу получить или реализовать свое право.

В соответствии со сложившейся прецедентной практикой Европейского Суда по правам человека **любой отказ в предоставлении (сохранении) того или иного правового статуса должен быть обоснованным, подкрепляться указанием ясных причин для принятия такого решения во избежание произвола** (п. 91¹⁸ Постановления от 5 апреля 2007 г. по делу «Саентологическая церковь г. Москвы (Church of Scientology Moscow) против Российской Федерации» (жалоба № 18147/02)).

С этим подходом коррелируют и правовые позиции КС РФ, из которых следует, что субъекты, на которых возложено осуществление публичных функций и полномочий, при принятии решений, влекущих отказ в приобретении конкретного права, доступе к конкретному виду деятельности, проведении тех или иных мероприятий, обязаны исходить из того, что такой **отказ должен быть не сугубо формальным, а содержать указание на причины, которые в своей совокупности свидетельствуют с разумной достаточностью о наличии препятствий для принятия по заявлению заинтересованного лица иного — положительного — решения** (см., например, п. 2.1 Определения КС РФ от 2 апреля 2009 г. № 484-О-П¹⁹, п. 2 Определения КС РФ от 10 июня 2010 г. № 683-О-О²⁰).

В ч. 8 ст. 44 Закона об арбитраже сформулирован **исчерпывающий перечень требований, по результатам анализа соответствия которым** некоммерческой

---

¹⁸ «91. Европейский Суд отмечает, что Управление юстиции г. Москвы отказалось рассмотреть не менее четырех заявлений о перерегистрации, ссылаясь на предполагаемое не предоставление заявителем полного перечня документов... Тем не менее Управление не определило, почему оно считает заявления неполными. Отвечая на письменный запрос президента Церкви, Управление юстиции г. Москвы ясно отказалось указать, какую информацию или документ они считали недостающими, утверждая, что это не входит в их полномочия... Европейский Суд отмечает противоречивый подход Управления юстиции г. Москвы, который, с одной стороны, признает, что компетентно определить заявление неполным, а с другой стороны, отказывается дать какое-либо указание на природу предполагаемых отсутствующих документов. Этот подход не только лишил заявителя возможности исправить предполагаемые недостатки в заявлениях и подать их заново, но также противоречит ясному требованию внутригосударственного законодательства, что любой отказ должен быть обоснованным. Управление юстиции г. Москвы, **не указывая ясных причин по оставлению без рассмотрения заявлений по перерегистрации, представленных заявителем, действовало произвольно.** Соответственно, Европейский Суд приходит к выводу, что данное основание для отказа „не соответствовало закону“».

¹⁹ «Содержащееся в оспариваемом законоположении понятие „мотивированное предложение“ — по его конституционно-правовому смыслу — означает, что **в данном решении должны быть приведены веские доводы в обоснование** того, что проведение публичного мероприятия не просто нежелательно, а невозможно в связи с необходимостью защиты публичных интересов».

²⁰ «Обращаясь к вопросу о принятии квалификационными коллегиями судей решений, затрагивающих конституционно-правовой статус судьи, в том числе влекущих прекращение полномочий судьи, Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на ранее выраженные им правовые позиции, в Постановлении от 24 марта 2009 года № 6-П пришел к выводу, что **такие решения должны** быть законными, **обоснованными** и справедливыми... и **не могут быть произвольными.** Исходя из этого, Конституционный Суд Российской Федерации признал положения пункта 1 статьи 23 Федерального закона „Об органах судейского сообщества в Российской Федерации“ не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что принимаемое квалификационной коллегией судей в процедуре голосования решение об отказе судье, первоначальный срок полномочий которого истек, в рекомендации на ту же должность без ограничения срока полномочий **должно быть мотивированным, т.е. содержать указание на причины,** наличие которых препятствует назначению его на должность».

организации Минюстом предоставляется или отказывается в предоставлении права на осуществление функций ПДАУ. О выдаче мотивированной рекомендации Совета *«по результатам анализа выполнения требований, предусмотренных частями 8 и 12 настоящей статьи»* говорится и в ч. 6 ст. 44 Закона об арбитраже.

Приведенные законоположения, как ясно следует из их текста, прямо и недвусмысленно требуют от Совета и Минюста давать **существенные объяснения мотивов (конкретных причин, обстоятельств)**, повлекших отказ в предоставлении права на осуществление функций ПДАУ по конкретным критериям (требованиям) ч. 8 ст. 44 Закона об арбитраже. Данные акты Совета и Минюста должны раскрывать (делать понятной, общедоступной) **логику проведенного анализа** соответствия некоммерческой организации установленным требованиям, т.е. включать в себя **содержательные мотивы, разъясняющие несоответствие некоммерческой организации конкретным требованиям**.

При этом выдача Советом мотивированной рекомендации является в силу ч. 6 ст. 44 Закона об арбитраже одной из функций Совета, которая, как и иные функции этого коллегиального органа, осуществляется на основании голосования.

Очевидно, что само по себе голосование Совета, его итоги не могут рассматриваться как выражающие содержательные мотивы рекомендации.

Мотивы — это конкретные обстоятельства, в связи с которыми некоммерческой организации-заявителю должна даваться та или иная оценка. Не случайно и в абзаце втором п. 34, п. 41, п. 43 Положения о порядке создания и деятельности Совета по совершенствованию третейского разбирательства (утв. Приказом Минюста от 20 марта 2019 г. № 45) (далее — **Положение о Совете**) предусмотрено, что рекомендация готовится на основании результатов голосования по вопросу выполнения требований закона.

Следовательно, это также подтверждает, что мотивированная рекомендация Совета — иной акт, нежели лишь итоги голосования по вопросу о соответствии некоммерческой организации установленным критериям (требованиям) в ч. 8 ст. 44 Конституции РФ. Мотивированная рекомендация должна выражать не только результаты голосования по таким критериям (требованиям), но и конкретные выводы, итоги всего рассмотрения (обсуждения) членами Совета заявления некоммерческой организации, конкретные обстоятельства, послужившие причиной принятия соответствующего решения.

Между тем оспариваемые положения (части 4, 6, 8 (п. 4), 9 и 10 ст. 44 Закона об арбитраже), в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, вводят такую процедуру рассмотрения вопроса о предоставлении права на осуществление функций ПДАУ, которая **просто исключает действительную мотивированность** решений, принимаемых Советом и Минюстом.

Это обусловлено тем, что под «**мотивированностью**» рекомендации Совета в отношении некоммерческой организации-заявителя, равно как и последующего решения Минюста, самими Советом и Минюстом понимается **формальное перечисление** таких критериев (требований), которым заявитель не соответствует (в отсутствие надлежащих анализа и объяснений применительно к конкретным фактам и обстоятельствам).

Суды подобный подход поддерживают (см. выше раздел V настоящей жалобы). Суды полагают, что те **формальный повтор, формалистическое перечисление** Советом и Минюстом критериев, указанных в Законе об арбитраже, являются надлежащей мотивировкой их актов.

В итоге оспариваемые положения, в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют Совету и Минюсту в действительности **не принимать мотивированные рекомендации / решения** об отказе в предоставлении права на осуществление функций ПДАУ, т.е. **по факту произвольно лишать некоммерческие организации (включая Заявителя) права на администрирование арбитража.**

Такое применение указанных норм имеет место несмотря на то, что в ч. 6 и ч. 10 ст. 44 Закона об арбитраже прямо указывается, что как Совет выдает **мотивированную рекомендацию** (о предоставлении или) об отказе в предоставлении некоммерческой организации права на осуществление функций ПДАУ (причем *«по результатам анализа выполнения требований, предусмотренных частями 8 и 12 настоящей статьи...»*) для последующего принятия решения Минюстом, так и Минюст впоследствии выносит именно **мотивированное решение** об отказе в предоставлении некоммерческой организации права на осуществление функций ПДАУ.

При этом, несмотря на указание в ч. 6 ст. 44 Закона об арбитраже о том, что **Совет выдает мотивированную рекомендацию**, на практике правоприменителем (в том числе судами) это понимается как положение, допускающее лишь перечисление в такой рекомендации Советом критериев (требований), которым некоммерческая организация, как полагает Совет, не соответствует, и то, что уже **само по себе перечисление данных критериев (требований) якобы является надлежащей, достаточной и исчерпывающей мотивировкой**, на основании которой Минюст должен принимать решение о предоставлении или об отказе в предоставлении права на осуществление функций ПДАУ.

Равным образом считается соответствующим закону (ч. 10 ст. 44 Закона об арбитраже) то, что Минюсту достаточно, несмотря на прямое указание на **принятие мотивированного решения об отказе**, только перечислить в своем решении отдельные требования ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже, которым якобы не соответствует некоммерческая организация-заявитель, претендующая на получение права на осуществление функций ПДАУ, никак в действительности не объясняя, в чем конкретно такое несоответствие выражается.

Суды также лишь формально ссылаются на ч. 6 и ч. 10 ст. 44 Закона об арбитраже, в действительности не уясняя и не применяя должным образом требования, содержащиеся в данных законоположениях, используя последние вопреки их точному (буквальному) смыслу и вразрез с конституционным принципом реализации правовых норм²¹.

Части 6 и 10 ст. 44 Закона об арбитраже в совокупности с иными

---

²¹ Так, например, в Апелляционном определении указано следующее (с. 5):

«Доводы административного иска и апелляционной жалобы о том, что принятое Советом решение немотивированно, судебная коллегия находит надуманными, из материалов дела следует, что Совету были представлены все необходимые документы, которые являлись предметом исследования членов Совета.

<...>

Исчерпывающий перечень критериев установлен частью 8 статьи 44 Федерального закона № 382-ФЗ. Предъявление дополнительных требований не допускается (часть 9 статьи 44 Федерального закона № 382-ФЗ).

На основании указанных норм Приложением № 1 к Положению утвержден рекомендуемый образец опросного листа члена Совета...

<...>

При голосовании „против“ выдачи рекомендации Минюсту России о предоставлении права на осуществление функций ПДАУ АНО „ЦАР“ отмечены соответствующие конкретные основания принятого решения, что опровергает позицию заявителя о его немотивированности».

оспариваемыми положениями по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой Совета и Минюста, **целенаправленно и неконституционным образом превращаются в инструмент недопуска некоммерческих организаций-заявителей (включая Заявителя) к администрированию арбитража в РФ.**

Согласие судов с такими подходами Совета и Минюста и подобное понимание и применение судами оспариваемых положений (см. выше раздел V настоящей жалобы) **никак не согласуется не только с конституционным принципом реализации правовых норм, но даже и с самой действительной волей законодателя**, выраженной в упомянутых нормах Закона об арбитраже, не просто закрепляющих форму правовых актов, в которую должны быть облечены позиции Совета и Минюста по итогам рассмотрения заявления некоммерческой организации, **а со всей очевидностью специально и императивно предписывающих Совету, Минюсту обеспечить мотивированный (действительно мотивированный) характер данных актов.**

Подобный правоприменительный подход к пониманию оспариваемых положений, который используется Советом, Минюстом и судами, полностью нивелирует их смысл в части специально выделенного законодателем элемента законности соответствующих актов Совета и Минюста, **состоящего прежде всего в их мотивированности, обоснованности.** Такое отождествление мотивированной рекомендации Совета (и мотивированного решения Минюста) с всего лишь формалистическим перечислением положений из Закона об арбитраже никак не согласуется с конституционным принципом реализации правовых норм и позволяет Совету и Минюсту не исполнять установленное правовое регулирование.

В результате в отношении Заявителя имел место административный произвол публичной власти (Совета и Минюста), а суды его в конкретном деле Заявителя проигнорировали (см. выше раздел V настоящей жалобы).

Отказ Совета и Минюста мотивировать свои указанные выше акты (поддержанный судами) **тем более усиливает их произвол** в отношении рассмотрения заявлений о получении права на осуществление функций ПДАУ, если учитывать несоответствие ч. 8 (п. 4) и ч. 9 ст. 44 Закона об арбитраже конституционному требованию (критерию) правовой определенности и конституционному требованию непротиворечивости правового регулирования, а также осознанную неконституционную практику применения данных частей ст. 44 Закона об арбитраже (см. выше подраздел 6.1 настоящей жалобы). **Мало того что применяемые критерии являются неопределенными, так Совет и Минюст еще и отказываются мотивировать их применение.**

Это повлекло нарушение прежде всего имеющих конституционное наполнение прав Заявителя на равный доступ к осуществлению деятельности по администрированию арбитража, которые вытекают среди прочего из ч. 1 ст. 8 (поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности) и ч. 1 ст. 34²² Конституции РФ (равно как и конституционных прав Заявителя, указанных ниже в настоящей жалобе).

---

²² «1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

6.4. Нарушение ч. 8 (п. 4) и ч. 9 ст. 44 Закона об арбитраже конституционного требования соразмерности ограничения конституционных прав (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Во-первых, применение законодателем вразрез с конституционным требованием защиты достоинства и конституционным требованием взаимного доверия государства и общества регулятивного подхода, основанного на всеобщих подозрении и подозрительности (см. предыдущий раздел настоящей жалобы), **не согласуется с требованием соразмерности ограничения конституционных прав**, который получил свое закрепление в ч. 3 ст. 55²³ Конституции РФ.

Принцип соразмерности (пропорциональности) предполагает, что возложение на граждан, их объединения тех или иных обязанностей и обременений должно не только соответствовать конституционно значимым целям, но и быть разумно обоснованным.

Однако законодатель, отвергая в ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже презумпцию добросовестности (ввиду чего все некоммерческие организации-заявители ставятся под подозрение и сами вынуждены обосновывать свою репутацию, доказывать свою благонадежность и добросовестность), **не руководствовался** какими-либо именно вескими и убедительными социальными и юридическими основаниями для введения подобного стандарта всеобщих подозрения и подозрительности. Таких оснований в свете положений и принципов Конституции РФ просто не имеется.

Во-вторых, КС РФ в п. 3 Постановления от 30 октября 2003 г. № 15-П указал: *«...чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения»*.

Неопределенность правового регулирования в ч. 8 (п. 4) и в ч. 9 ст. 44 Закона об арбитраже, в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, приводит к предъявлению к некоммерческим организациям-заявителям произвольных, необоснованных и чрезмерных требований (см. выше подраздел 6.1 настоящей жалобы). Это равным образом имеет результатом в отношении Заявителя **нарушение содержащегося в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ принципа соразмерности ограничения конституционных прав и свобод федеральным законом**.

Более того, обращает на себя внимание то, что в упомянутых в подразделе 6.2 законах о банковской, микрофинансовой, страховой деятельности конкретные критерии (характеристики), позволяющие оценить репутацию организации в качестве неудовлетворительной, связаны прежде всего с четкими нарушениями публично-правового регулирования, в отличие от ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже, которая использует абстрактные, неопределенные, произвольно-оценочные критерии, причем в контексте именно частноправовой деятельности и частноправового регулирования, что не может не усиливать произвольный характер ее правоприменения. Иными словами, в ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже присутствует явный неконституционный перегиб в критериях-ограничениях.

---

²³ «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

В результате в отношении Заявителя имел место административный произвол публичной власти (Совета и Минюста), а суды его в конкретном деле Заявителя проигнорировали (см. выше раздел V настоящей жалобы).

Это повлекло нарушение прежде всего имеющих конституционное наполнение прав Заявителя на равный доступ к осуществлению деятельности по администрированию арбитража, которые вытекают среди прочего из ч. 1 ст. 8 (поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности) и ч. 1 ст. 34²⁴ Конституции РФ (равно как и конституционных прав Заявителя, указанных ниже в настоящей жалобе).

6.5. Нарушение ч. 8 (п. 4) и ч. 9 ст. 44 Закона об арбитраже конституционного принципа равенства (ст. 19 Конституции РФ), вытекающее из: а) нарушения конституционного требования защиты достоинства и конституционного требования взаимного доверия государства и общества (ч. 1 ст. 21, ст. 75¹ Конституции РФ); б) нарушения конституционного принципа правовой определенности; в) нарушения конституционного требования непротиворечивости правового регулирования.

Во-первых, является очевидным, что использование в отношении некоммерческих организаций-заявителей, претендующих на получение права осуществлять администрирование арбитража, презумпции отсутствия надлежащей репутации (стандарта всеобщих подозрения и подозрительности) и отказ применительно к ним от презумпции добросовестности (см. выше подраздел 6.2 настоящей жалобы) ставят их в **неравное, дискриминационное положение в сравнении с субъектами экономической деятельности в иных сферах, в отношении которых подобное не предполагается.**

При этом, как уже говорилось, законодатель не обосновал каким-либо образом введение таких различий в используемых подходах (см. выше подраздел 6.4 настоящей жалобы).

Следовательно, имеет место **нарушение конституционного принципа равенства** (ч. 1 и ч. 2 ст. 19²⁵ Конституции РФ), поскольку введенное законодателем в ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже различие в обращении с некоммерческими организациями-заявителями не основано на необходимых и разумных юридических и социально значимых обстоятельствах.

Во-вторых, согласно позиции КС РФ в п. 4 Постановления от 21 мая 2013 г. № 10-П, *«Из принципов правового государства, справедливости и равенства всех перед законом и судом (статьи 1, 18 и 19 Конституции Российской Федерации) вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего*

---

²⁴ «1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

²⁵ «1. Все равны перед законом и судом.

2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности».

правового регулирования, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания правовой нормы».

Отсутствие в оспариваемых ч. 8 (п. 4) и ч. 9 ст. 44 Закона об арбитраже определенности, ясности, недвусмысленности, в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой (см. выше подраздел 6.1 настоящей жалобы), равным образом влечет нарушение конституционного требования равенства.

В результате в отношении Заявителя имел место административный и дискриминационный произвол публичной власти (Совета и Минюста), а суды его в конкретном деле Заявителя проигнорировали (см. выше раздел V настоящей жалобы).

Это повлекло нарушение прежде всего имеющих конституционное наполнение прав Заявителя на равный доступ к осуществлению деятельности по администрированию арбитража, которые вытекают среди прочего из ч. 1 ст. 8 (поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности) и ч. 1 ст. 34²⁶ Конституции РФ (равно как и конституционных прав Заявителя, указанных ниже в настоящей жалобе).

В-третьих, как было показано в подразделе 6.1 настоящей жалобы, оспариваемые положения, включая ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже, являются внутренне противоречивыми: они требуют наличия репутации (в связи с деятельностью по администрированию арбитража) в условиях, когда согласно иным оспариваемым положениям начать такую деятельность еще невозможно. Создается внутреннее противоречие, телега ставится впереди лошади.

В итоге по сути перекрывается возможность обращения в Совет и Минюст вновь созданным некоммерческим организациям, поскольку «репутационный критерий» (в том числе учитывая его неопределенный характер) в ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже сводит на нет их шансы получить право на осуществление функций по администрированию арбитража. **Это просто невыполнимый для вновь созданных некоммерческих организаций критерий «на входе» (в том числе учитывая его неопределенный характер), превращающий их права в ничто.**

Это также нарушает принцип равенства применительно к вновь созданным некоммерческим организациям в отношении их права получить возможность осуществлять функции по администрированию арбитража в сравнении с аналогичными правами уже давно существующих некоммерческих организаций.

6.6. Нарушение ч. 4, ч. 6 и ч. 10 ст. 44 Закона об арбитраже конституционного принципа информационной открытости органов публичной власти и права Заявителя на доступ к информации (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ).

Часть 2 ст. 24 Конституции РФ предусматривает, что *«Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом».*

---

²⁶ «1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

Из положений ч. 4, ч. 6 и ч. 10 ст. 44 Закона об арбитраже следует, что основанием для принятия Минюстом решения по вопросу предоставления некоммерческой организации права на осуществление функций ПДАУ служит рекомендация Совета (причем мотивированная), от которой Минюст отступить не может.

Тем не менее, как отмечено выше, несмотря на законодательное требование о **мотивированности такой рекомендации Совета**, сам Совет, Минюст и суды в своей практике правоприменения частей 4, 6 и 10 ст. 44 Закона об арбитраже считают допустимым ее предоставление Советом Минюсту без анализа и конкретизации тех обстоятельств, на основании которых Совет пришел к выводу о невозможности получения Заявителем права на осуществление функций ПДАУ (см. выше подраздел 6.3 настоящей жалобы).

Поскольку конкретные и четкие обстоятельства, ввиду которых Советом в отношении Заявителя была дана отрицательная рекомендация, неизвестны, а решение Совета было немотивированным, то тем самым было нарушено и право Заявителя на доступ к информации по смыслу ч. 2 ст. 24 Конституции РФ в отношении того, в чем именно заключались препятствия в предоставлении ему положительной рекомендации касательно получения права на осуществление функций ПДАУ.

Минюст также обязан принимать **мотивированное решение** (в подлинном смысле этих слов) об отказе в предоставлении некоммерческой организации права на осуществление функций ПДАУ (ч. 10 ст. 44 Закона об арбитраже).

Однако он это, согласно своей практике правоприменения частей 4, 6 и 10 ст. 44 Закона об арбитраже, не делает (см. выше подраздел 6.3 настоящей жалобы). Заявитель в итоге был лишен права на доступ к сведениям касательно причин отказа в предоставлении ему права на осуществление функций ПДАУ и не мог должным образом установить данные причины, в том числе для участия в последующей процедуре получения права на осуществление функций ПДАУ либо для целей оспаривания такого отказа.

Признаваемое допустимым (в том числе судами (см. выше раздел V настоящей жалобы)) отсутствие в актах Совета и Минюста, принятых в отношении Заявителя, содержательных мотивов, разъясняющих причины невозможности получения Заявителем права на осуществление функций ПДАУ, в итоге нарушает конституционный принцип информационной открытости органов публичной власти и права Заявителя на доступ к информации (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ).

При этом названное право на доступ к информации могло быть ограничено только на основании закона (что в рассматриваемой ситуации не имело места)²⁷.

---

²⁷ См., например, п. 3 Постановления КС РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П:

«Приведенные правовые позиции в полной мере применимы к определению допустимых ограничений прав, закрепленных в статьях 23, 24 и 29 Конституции Российской Федерации, нормы которых обосновывают и обеспечивают в том числе возможность для гражданина требовать предоставления ему собираемых органами государственной власти и их должностными лицами сведений, непосредственно затрагивающих его права и свободы, и тем более касающихся его частной жизни, чести и достоинства. Основания для таких ограничений могут устанавливаться законом только в качестве исключения из общего дозволения (статья 24, часть 2, Конституции Российской Федерации) и должны быть связаны именно с содержанием информации, поскольку иначе они не были бы адекватны конституционно признаваемым целям. Этот вывод дополнительно подтверждается тем, что согласно статье 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации поводом к ограничению прав, закрепленных в статьях 23 (часть 1) и 24, не может служить и введение чрезвычайного положения».

6.7. Нарушение оспариваемыми положениями конституционных гарантий поддержки конкуренции и свободы экономической деятельности (ч. 1 ст. 8 Конституции РФ), а также нарушение находящихся в системной связи с этими гарантиями ч. 1 ст. 34 и ч. 2 ст. 35 Конституции РФ.

Согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее также — **Закон о НКО**) некоммерческие организации могут создаваться для **разрешения споров и конфликтов**²⁸, а ст. 24 Закона о НКО некоммерческой организации разрешено заниматься приносящей доход экономической деятельностью в рамках целей, для достижения которых она создана. При этом в соответствии с п. 9 ст. 2 Закона об арбитраже *«постоянно действующее арбитражное учреждение — подразделение некоммерческой организации, выполняющее на постоянной основе функции по администрированию арбитража»*.

Само право на передачу гражданско-правового спора в третейский суд давно уже признано конституционно значимым. Согласно позиции КС РФ, данное право основано на конкретных положениях Конституции РФ: *«в Российской Федерации право сторон гражданско-правового спора на его передачу в третейский суд основано на статье 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 8 (часть 1), согласно которой в Российской Федерации гарантируются свобода экономической деятельности и поддержка конкуренции, и статьей 34 (часть 1), закрепляющей право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности;»*²⁹.

Принцип диспозитивности в ч. 2 ст. 45³⁰ Конституции РФ, согласно которому заинтересованные лица самостоятельно определяют способ защиты своего права и могут для этого обратиться к третейской процедуре, задавая вместе с тем параметры и существенные характеристики данной процедуры, **распространяется, безусловно, в том числе и на организационную часть отношений в рамках третейского производства**, т.е. на администрирование арбитража (включая установление процедурных и иных моментов, характеризующих институциональный механизм реализации соответствующего средства защиты права).

Следовательно, конституционное признание права частных лиц на обращение в третейский суд обуславливает с конституционной точки зрения также гарантирование иным соответствующим частным лицам права на получение возможности выполнять функции организационного обеспечения третейского разбирательства, т.е. администрировать арбитраж (п. 3 ст. 2³¹ Закона об арбитраже).

---

²⁸ «2. Некоммерческие организации могут создаваться для... разрешения споров и конфликтов...».

²⁹ Пункт 3 Постановления КС РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П.

См. также, например, постановления КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П, определения КС РФ от 9 декабря 2014 г. № 2750-О, от 5 февраля 2015 г. № 233-О, от 24 марта 2015 г. № 628-О.

³⁰ «2. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом».

³¹ «3) **администрирование арбитража** — выполнение постоянно действующим арбитражным учреждением функций по организационному обеспечению арбитража, в том числе по обеспечению процедур выбора, назначения или отвода арбитров, ведению делопроизводства, организации сбора и распределения арбитражных сборов, за исключением непосредственно функций третейского суда по разрешению спора;».

При этом постоянно действующие институты, осуществляющие организацию третейского разбирательства, исторически понимались как лица, которые обеспечивают третейское производство в качестве сторонних (третьих) и профессиональных органов разрешения спора, в том числе при объединении предпринимателей.

В свете сказанного к конституционным основам осуществления на постоянной основе деятельности по администрированию арбитража относятся не только ч. 1 ст. 8³² и ч. 1 ст. 34³³ Конституции РФ, но и ч. 2 ее ст. 35: «2. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами».

Таким образом, государственные органы, включая Минюст, не могут с точки зрения Конституции РФ произвольно ограничивать действие указанных конституционных положений в отношении некоммерческих организаций, желающих получить право на осуществление функций ПДАУ.

Между тем и Совет, и Минюст намеренно осуществляют административный произвол именно на основании оспариваемых положений, в том числе исходя из того их смысла, который придается им правоприменительной практикой тех же Совета и Минюста, чтобы действие указанных конституционных положений ненадлежащим образом ограничить. В отношении Заявителя такой произвол публичной власти (Совета и Минюста) также имел место, а суды его в конкретном деле Заявителя проигнорировали (см. выше раздел V настоящей жалобы).

Это повлекло нарушение имеющих конституционное наполнение прав Заявителя на равный доступ к осуществлению деятельности по администрированию арбитража, проистекающих из его конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ), как и из его конституционных прав, гарантированных упомянутыми выше ч. 1 ст. 8 и ч. 2 ст. 35 Конституции РФ.

6.8. Нарушение оспариваемыми положениями конституционного права на участие в управлении общественными делами посредством создания объединений (ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 32, ч. 1 ст. 37 Конституции РФ).

«1. Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется» (ч. 1 ст. 30 Конституции РФ).

Из данных конституционных положений следует в том числе необходимость признания и гарантирования государством осуществления субъектами гражданского общества коллективного взаимодействия и объединения ими усилий для образования организационно-правовых форм (в виде, например, некоммерческих организаций), с помощью которых обеспечиваются реализация (и предоставление иным лицам) основанных на общественном саморегулировании различных возможностей добровольных, согласованных, примирительных способов урегулирования правовых споров и конфликтов (одним из них выступает арбитраж).

---

³² «1. В Российской Федерации гарантируются... поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности».

³³ «1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

Из этого также исходит п. 2 ст. 2³⁴ Закона о НКО, который допускает создание некоммерческих организаций для разрешения споров и конфликтов.

При этом создание организаций подобного рода соотносится и с ч. 1 ст. 32 Конституции РФ, закрепляющей **право граждан участвовать в управлении делами государства**³⁵. В данном положении Конституции РФ **подразумевается государственная организация самого общества**, а потому оно служит основанием для вовлечения граждан на индивидуальной или коллективной основе (в том числе путем создания объединений) в решение значимых для них вопросов **не только государственно-властно-политического, но и иного, в том числе частно-юрисдикционного, характера** (включая вопросы организационного обеспечения арбитража). Это тем более верно в свете того, что в своих позициях КС РФ четко установил, что **третейские суды действуют в качестве институтов гражданского общества, наделенных публично значимыми функциями**, а также подчеркнул, что **третейское разрешение споров осуществляется «посредством общественного саморегулирования»**³⁶.

Согласно правовой позиции КС РФ, слова «в управлении делами государства» в ч. 1 ст. 32 Конституции РФ необходимо понимать широко. Так, в п. 2 Постановления КС РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П, посвященного таким частным лицам, как арбитражные управляющие (которые, однако, тоже наделены публично значимыми функциями), указывается, что положения ч. 1 ст. 32 Конституции РФ во взаимосвязи с ее ч. 1 ст. 34 и ч. 1 ст. 37 предполагают **право граждан принимать непосредственное участие в управлении делами государства, в том числе в экономической сфере, на началах самоорганизации, самоуправления и саморегулирования**. Конституционный принцип демократического правового государства и гарантируемая Конституцией РФ свобода экономической деятельности, как указывается в этом же Постановлении, предполагают **развитие необходимых для становления гражданского общества начал самоуправления и автономии в экономической сфере**³⁷.

---

³⁴ «2. Некоммерческие организации могут создаваться для... разрешения споров и конфликтов...».

³⁵ «1. Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей».

³⁶ Пункт 2 Постановления КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П: «По смыслу статей 10, 11 (часть 1), 118 (часть 1) и 124–128 Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ „О судебной системе Российской Федерации“, третейские суды не осуществляют государственную (судебную) власть и не входят в судебную систему Российской Федерации, состоящую из государственных судов. Это, однако, не означает, что Конституция Российской Федерации исключает тем самым возможность разрешения гражданско-правовых споров между частными лицами в процедуре третейского разбирательства посредством третейских судов, **действующих в качестве институтов гражданского общества, наделенных публично значимыми функциями**.

<...>

Тем самым подтверждается правомерность обращения частных лиц — в пределах реализации ими на основе автономии воли права на свободу договора — к третейскому разбирательству в сфере гражданских правоотношений, где **допускается разрешение споров посредством общественного саморегулирования...»**.

См. также п. 3 Постановления КС РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П.

³⁷ «Законодательное регулирование, направленное на обеспечение самостоятельности арбитражных управляющих в выработке правил и норм своей корпоративной организации, контроль за их соблюдением, а также на гарантирование коллективных форм защиты собственных интересов, является конкретизацией взаимосвязанных положений статей 32 (часть 1), 34 (часть 1) и 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации, по смыслу которых граждане, чей труд свободен, вправе принимать непосредственное участие в управлении делами государства, в том числе в экономической сфере, на началах самоорганизации, самоуправления и саморегулирования. <...>

Данная позиция применима по аналогии и к такой осуществляемой на началах самоорганизации, самоуправления и саморегулирования деятельности в экономической сфере, как администрирование арбитража.

В отношении конституционных основ создания и деятельности организаций, которым предоставлено право администрировать арбитраж, не может не учитываться, что обязанность соблюдать Конституцию РФ и законы, установленная ч. 2 ст. 15³⁸ Конституции РФ, в полной мере распространяется на объединения граждан. Формирование, функционирование некоммерческих организаций должны носить законный характер и отвечать вытекающим из Конституции РФ требованиям. Как уже отмечалось, третейские суды не просто действуют в качестве институтов гражданского общества, а наделены публично значимыми функциями (п. 2 Постановления КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П). Указанное предполагает, что законодатель правомочен определять порядок создания и деятельности организаций, осуществляющих на постоянной основе организационное обеспечение арбитража, в целях согласования частной инициативы с потребностью в предоставлении определенного объема публично значимых услуг должного качества. Он правомочен предъявлять к субъектам соответствующей деятельности конкретные и четкие требования, а также устанавливать механизмы контроля за условиями ее реализации.

Однако, как пояснено выше в подразделе 6.1 настоящей жалобы, **неопределенность критериев** в ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже, используемых при предоставлении рекомендации Советом, а также признание допустимым **фактического отсутствия мотивировки** в рекомендации Совета и решении Минюста об отказе в предоставлении права на осуществление функций ПДАУ (вразрез с волей законодателя; см. выше подраздел 6.3 настоящей жалобы), равно как и содержание иных оспариваемых положений (в их совокупности, как и во взаимосвязи с ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже), дают Совету и Минюсту конституционно неприемлемую, избыточную дискрецию в данной сфере, что в итоге ограничивает в отношении Заявителя не только его свободу экономической деятельности посредством немотивированной фильтрации, отсеивания заявителей (некоммерческих организаций), которые стремятся получить право на осуществление функций ПДАУ (см. выше подраздел 6.7 настоящей жалобы).

Это равным образом **препятствует реализации конституционного права на объединение и участие в управлении делами государственной организации самого общества** (в том числе учитывая статус третейских судов в качестве институтов гражданского общества, наделенных публично значимыми функциями), идя вразрез, также согласно правовой позиции КС РФ, с ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 32 и ч. 1 ст. 37³⁹ Конституции РФ, **по смыслу которых граждане, чей труд свободен, вправе принимать непосредственное участие в управлении делами государства**, в частности в экономической сфере, в том числе в форме деятельности по администрированию арбитража, осуществляемой среди прочего на коллективной основе (в частности, путем создания некоммерческих организаций, одной из которых

Таким образом, конституционный принцип демократического правового государства и гарантируемая Конституцией Российской Федерации свобода экономической деятельности предполагают развитие необходимых для становления гражданского общества начал самоуправления и автономии в экономической сфере... и, соответственно, — государственную поддержку и стимулирование гражданской активности в данной сфере».

³⁸ «2. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы».

³⁹ «1. Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию».

является и Заявитель). Это, в свою очередь, не может не затрагивать права Заявителя как некоммерческой организации, при которой с 1995 г. действовал один из первых и старейших в России третейских судов — Сибирский третейский суд⁴⁰ (т.е. при помощи Заявителя граждане на коллективной основе на протяжении более 20 лет принимали непосредственное участие в управлении делами государства в экономической сфере в форме деятельности по администрированию арбитража, а затем произвольно такого права были лишены).

6.9. Нарушение оспариваемыми положениями гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и права Заявителя на судебную защиту (ч. 1 ст. 45, ч. 1 и ч. 2 ст. 46 Конституции РФ).

Гарантия государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан предусмотрена ст. 45⁴¹ Конституции.

Далее, согласно ст. 46 Конституции РФ *«1. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.*

2. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд».

Согласно п. 4.1 Постановления КС РФ от 16 апреля 2015 г. № 8-П *«Правовые нормы, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, должны соответствовать общеправовым требованиям определенности, ясности, недвусмысленности, поскольку конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями; неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит — к нарушению не только принципов равенства и верховенства закона, но и установленных статьями 45 и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан (постановления от 25 апреля 1995 года № 3-П, от 15 июля 1999 года № 11-П, от 25 февраля 2004 года № 4-П, от 20 апреля 2009 года № 7-П, от 6 декабря 2011 года № 27-П, от 29 июня 2012 года № 16-П и от 22 апреля 2013 года № 8-П)».*

Сложившаяся практика КС РФ строится на том, что гарантии судебной защиты должны быть реальными и могут быть обеспечены лишь в том случае, если соблюдается принцип правовой определенности как в отношении регламентации процедур защиты права, так и в отношении подлежащих применению судами материально-правовых норм.

Однако оспариваемые положения, в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, приводят к тому, что при обжаловании в суд в соответствии с ч. 10 ст. 44 Закона об арбитраже отказа в предоставлении права на осуществление функций ПДАУ суды уклоняются по сути от должной проверки мотивированности такого отказа (см. выше подраздел 6.3, а также раздел V настоящей жалобы).

---

⁴⁰ URL: <http://sts.arbitrage.ru/about/> (доступ по состоянию на 28 сентября 2021 г.).

⁴¹ *«1. Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется».*

Требование мотивированности рекомендации Совета и решения Минюста имеет большое значение для обеспечения прав заинтересованной некоммерческой организации-заявителя на доступ к осуществлению функций по администрированию арбитража, поскольку раскрытие конкретных причин, в связи с которыми ей было отказано в предоставлении данного права, позволяет устранить выявленные нарушения, обратиться с заявлением вновь и получить соответствующее право.

И одновременно с этим указанное требование является существенной гарантией судебной защиты прав некоммерческой организации от принятия в ее отношении произвольных, усмотренческих, необоснованных решений.

Действительно, если только допустить, что мотивировка актов Совета и Минюста может выражаться лишь в сугубо формальной отсылке к норме Закона об арбитраже, которую Совет, Минюст применяют как основание для отказа, **это будет означать по существу то, что само по себе применение данными органами положений ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже якобы уже имплицитно содержит надлежащую мотивировку**, которая ни в каком содержательном раскрытии с точки зрения конкретных обстоятельств в связи с рассматриваемым заявлением не нуждается.

Тем самым предполагалось бы, что существует фактически **абсолютная презумпция обоснованности действий, актов Совета и Минюста**, которая не может быть никак поколеблена, оспорена, в том числе в ходе судебной проверки, поскольку Совет и Минюст, самостоятельно определяя несоответствие заявителей установленным требованиям, не обязаны приводить доводы в подтверждение такого несоответствия, в том числе суду, и потому данные акты Совета и Минюста вообще оказываются **выведены из сферы эффективного судебного контроля с точки зрения их мотивированности.**

Следовательно, не зная мотивов рекомендации Совета, решения Минюста об отказе, заявитель лишен возможности исправить нарушения (если вдруг таковые имели место и ввиду их наличия была дана негативная рекомендация, принято такое решение), чтобы реализовать свое право на повторное обращение при устранении этих нарушений.

Отсутствие содержательных мотивов в актах Совета и Минюста вступает в противоречие с самой идеей судебного контроля, поскольку заявитель лишается по существу оснований для дальнейшего обжалования. Сама возможность прибегнуть к судебной защите существенно ослабляется или даже становится иллюзорной.

Ввиду этого **реальность, полноту судебной защиты через проверку законности правового акта обеспечивает именно возможность для заявителей знать мотивы такого акта.**

Именно поэтому неисполнение или ненадлежащее, сугубо формалистическое исполнение субъектами, на которых возложены публичные функции и полномочия, обязанности по приведению конкретных мотивов принимаемых решений **свидетельствует об их стремлении избежать эффективного судебного контроля**, создать для заявителей **произвольные препятствия в реализации гарантированной законом возможности судебного обжалования соответствующего правового акта.**

Было бы нелогично считать, что законодатель, дважды подчеркнувший значение мотивированного характера актов в ч. 6 и в ч. 10 ст. 44 Закона об арбитраже, принимаемых по вопросу о заявлении некоммерческой организации о получении права администрировать арбитраж, — и применительно к рекомендации Совета, и применительно к решению Минюста, — стремился тем самым понизить

требования к качеству таких принимаемых Советом и Минюстом актов и ограничить возможности для их обжалования в судебном порядке.

Следовательно, при подобном подходе некоммерческие организации-заявители лишаются возможности узнать действительные причины отказа государственного органа для целей представления обоснованных возражений по такому отказу, **что впоследствии также нивелирует и значение судебной защиты**⁴². В итоге это создает основания для превращения судебных актов в формальность.

Кроме того, в условиях существующей в ч. 8 (п. 4) ст. 44 Закона об арбитраже неопределенности конкретных критериев, по которым производится оценка соответствия некоммерческой организации требованиям для получения права на осуществление администрирования арбитража (см. выше раздел 6.1 настоящей жалобы), **Совет и Минюст тем более неосновательно приобретают неограниченный объем произвольного усмотрения применительно к решению соответствующих вопросов, тогда как эффективный судебный контроль в их отношении оказывается иллюзорным.**

Суды толкуют оспариваемые положения в их совокупности таким сугубо формалистическим образом, что Совет и Минюст выводятся по сути из-под реального судебного контроля: подход судов предполагает лишь проверку соблюдения Советом и Минюстом формальных процедурных требований и лишает соответствующие некоммерческие организации (Заявитель к ним относится) права знать действительные причины отказа в предоставлении права на осуществление функций ПДАУ.

Это не соответствует ч. 1 ст. 45, а также ч. 1 и ч. 2 ст. 46 Конституции РФ, привело к нарушению права Заявителя на судебную защиту, исключив восстановление иных нарушенных его прав в судебном порядке.

6.10. Несоответствие оспариваемых положений конституционным гарантиям реализации прав и свобод (ст. 2, ст. 18 Конституции РФ). Нарушение в связи с этим конституционных прав Заявителя.

«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2 Конституции РФ).

«Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст. 18 Конституции РФ).

Заявитель полностью уверен в том, что оспариваемые положения по своему содержанию и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой Совета и Минюста, а также судов, **целенаправленно и неконституционным образом используются для того, чтобы создавать искусственные препятствия в получении некоммерческими организациями (включая Заявителя) права на осуществление**

---

⁴² См., например, п. 2.2 Определения КС РФ от 2 апреля 2009 г. № 484-О-П:

«Разрешая спор, суд — в силу критериев, вытекающих из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, — оценивает обжалуемые решения и действия органа публичной власти с точки зрения их правомерности и обоснованности, с тем чтобы в каждом конкретном случае не допустить несоразмерного ограничения права, гарантируемого статьей 31 Конституции Российской Федерации».

функций ПДАУ в нарушение ст. 2 и ст. 18 Конституции РФ.

Так, в настоящее время подразделения лишь **6 российских организаций** вправе осуществлять функции ПДАУ в России⁴³. Как известно, только **МКАС при ТПП РФ (г. Москва)** и **МАК при ТПП РФ (г. Москва)** не требовалось проходить процедуру получения права на осуществление функций ПДАУ в силу ч. 1 ст. 44 Закона об арбитраже.

Исходя из отчетов о деятельности Совета, размещенных на официальном Интернет-сайте Минюста:

— в период с создания Совета **в 2016 г. и до 3 марта 2017 г.** в Совет поступило **13 заявлений** от российских некоммерческих организаций о предоставлении права на осуществление функций ПДАУ, **10** некоммерческим организациям было **отказано** в дальнейшем рассмотрении документов, и документы были им возвращены (без рассмотрения на заседании Совета). Иные заявления были рассмотрены позже;

— в период **с марта по 21 декабря 2017 г.** подавали заявления около 50 некоммерческих организаций (в совокупности 88 заявлений, так как некоторые организации обращались более одного раза). В итоге на заседании Совета рассматривались только **6 заявлений** (все остальные были возвращены обратившимся по формальным основаниям без рассмотрения на заседании Совета) и в отношении **2** российских некоммерческих организаций было принято решение о выдаче рекомендации о предоставлении указанного права, а в отношении **4 — отказано**;

— в период **с 21 декабря 2017 г. по 29 марта 2019 г.** обращались с заявлениями в Минюст 28 некоммерческих организаций, а всего поступило **39 заявлений** (некоторые организации обращались несколько раз). В большинстве случаев заявления и документы были возвращены обратившимся по формальным основаниям. В итоге на заседании Совета рассматривались лишь **14 заявлений**. **Всем заявителям было отказано** в предоставлении права на осуществление функций ПДАУ;

— в период **с 29 марта 2019 г. по 1 апреля 2020 г.** на заседании Совета было рассмотрено **4 заявления** от российских организаций. В отношении одной организации Совет дал положительную рекомендацию Минюсту о предоставлении права на осуществление функций ПДАУ, а в отношении **3 остальных** заявлений Советом были выданы рекомендации **об отказе** в предоставлении указанного права;

— в период **с 1 апреля 2020 г.** проведение заседаний Совета было приостановлено и на момент подготовки отчета Совета за 2020 г. на рассмотрении Совета находились **2 заявления** от российских некоммерческих организаций о предоставлении права на осуществление функций ПДАУ. Летом 2021 г. право на осуществление функций ПДАУ получили Общероссийское отраслевое объединение работодателей «Союз машиностроителей России» (г. Москва), а также автономная некоммерческая организация «Национальный институт развития арбитража в топливно-энергетическом комплексе».

Эти факты полностью доказывают то, что оспариваемые положения по своему содержанию, а также по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой Совета и Минюста, равно как и судов, **целенаправленно и неконституционным образом превращены в инструмент недопуска большинства некоммерческих**

---

⁴³ Депонированные правила арбитража. Официальный Интернет-сайт Минюста. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/deponirovannye-pravila-arbitrazha/> (доступ по состоянию на 28 сентября 2021 г.).

организаций-заявителей (включая Заявителя) к администрированию арбитража в РФ. Все организации, которым право администрировать арбитраж было предоставлено, находятся под прямым или косвенным контролем государства, что недопустимо, учитывая природу арбитража как института гражданского общества (на нее указано в п. 2 Постановления КС РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П).

Предусмотренная оспариваемыми положениями, в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, процедура получения права на осуществление функций ПДАУ, к которой обязаны обращаться некоммерческие организации (и обращался сам Заявитель), не отвечает конституционным гарантиям реализации прав и свобод, конституционным требованиям по исполнению органами власти обязанности обеспечить институциональные гарантии надлежащего рассмотрения вопроса о предоставлении права на администрирование арбитража.

Это не может не нарушать конституционные права Заявителя в контексте указанных выше конституционных гарантий реализации прав и свобод (ст. 2, ст. 18 Конституции РФ).

Также результатом подобного правоприменения оспариваемых положений является ограничение развития арбитража как формы разрешения споров в России.

6.11. Нарушение оспариваемыми положениями конституционного принципа равенства в контексте местонахождения Заявителя (ст. 19 Конституции РФ). Нарушение прав Заявителя на доступ к администрированию арбитража в контексте принципа равенства и конституционного принципа равноправия субъектов РФ (ч. 1 ст. 5 Конституции РФ).

Согласно ст. 19 Конституции РФ *«1. Все равны перед законом и судом.*

2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от... места жительства...».

Данное положение распространяется и на коллективных субъектов, каковыми являются объединения граждан и, соответственно, некоммерческие организации (у них имеется место нахождения, а не место жительства).

Далее, согласно ч. 1 ст. 5⁴⁴ Конституции РФ федеративные отношения основываются на принципе равноправия субъектов РФ.

При этом правовые возможности частных субъектов правоотношений применительно ко всем субъектам РФ должны являться по общему правилу одинаковыми.

В данном случае речь идет не просто о гарантировании равенства прав и свобод независимо от места жительства (места нахождения) в том или ином субъекте РФ *per se*, а о том дополнительном обеспечении равенства прав и свобод частных лиц, которое неизбежно должно обуславливаться равноправием субъектов РФ.

На момент подачи настоящей жалобы право осуществлять функции ПДАУ

---

⁴⁴ *«1. Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов — равноправных субъектов Российской Федерации».*

предоставлено только следующим **шести организациям**⁴⁵:

1. Торгово-промышленной палате Российской Федерации (Международный коммерческий арбитражный суд при ТПП РФ, Морская арбитражная комиссия при ТПП РФ);
2. Автономной некоммерческой организации «Российский институт современного арбитража» (Российский арбитражный центр при АНО «Российский институт современного арбитража»);
3. Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей» (Арбитражный центр при Общероссийской общественной организации «Российский союз промышленников и предпринимателей»);
4. Автономной некоммерческой организации «Спортивная Арбитражная Палата» (Национальный Центр Спортивного Арбитража при АНО «Спортивная Арбитражная Палата»);
5. Общероссийскому отраслевому объединению работодателей «Союз машиностроителей России» (Арбитражное учреждение при ОООР «Союз машиностроителей России»);
6. Автономной некоммерческой организации «Национальный институт развития арбитража в топливно-энергетическом комплексе» (Арбитражный центр при АНО «Национальный институт развития арбитража в топливно-энергетическом комплексе»).

Пять из них находятся в Москве и одна (последняя) — в Санкт-Петербурге. По мнению Заявителя, случай с такой последней организацией может в целом и не учитываться ввиду того, что она аффилирована с ПАО «Газпром» и подконтрольна ему, тогда как последнее ведет активную деятельность в Москве.

При этом все заявления на получение права осуществлять функции ПДАУ, поступившие от некоммерческих организаций из других субъектов РФ, были Советом и Минюстом отклонены со ссылками на оспариваемые положения, в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой самих Совета и Минюста: руководствуясь оспариваемыми положениями в их неконституционном истолковании, **Совет дискриминационным образом выдает российским заявителям не из Москвы и Санкт-Петербурга исключительно рекомендации об отказе в предоставлении функций ПДАУ, а Минюст затем также принимает отказные решения в их отношении.**

Подобный административный и дискриминационный произвол публичной власти (Совета и Минюста) намеренно направлен на то, чтобы не допустить именно возможность наличия в субъектах РФ самостоятельных ПДАУ.

В данном случае речь идет не просто о нарушении конституционной гарантии равенства прав и свобод независимо от места нахождения заявителей *per se*, а о нарушении равенства прав и свобод частных лиц в свете равноправия субъектов РФ, о целенаправленном неправомерном превращении в центр администрирования арбитража именно Москвы с лишением возможности заниматься таким администрированием лиц из иных субъектов РФ. Здесь имеют место нарушающие конституционные принципы федерализма сугубо политические решения Совета

---

⁴⁵ Депонированные правила арбитража. Официальный Интернет-сайт Минюста. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/deponirovannye-pravila-arbitrazha/> (доступ по состоянию на 28 сентября 2021 г.).

и Минюста, благоприятствующие лицам из Москвы и нивелирующие права лиц из иных субъектов РФ.

Такое неконституционное правоприменение оспариваемых положений в свете принципа равенства и в связи с конституционным принципом равноправия субъектов РФ, лица из которых должны имманентно обладать равными возможностями по сравнению с лицами из Москвы и Санкт-Петербурга, повлекло нарушение прежде всего имеющих конституционное наполнение прав Заявителя на равный доступ к осуществлению деятельности по администрированию арбитража, которые вытекают среди прочего из ч. 1 ст. 8 (поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности) и ч. 1 ст. 34⁴⁶ Конституции РФ (равно как и конституционных прав Заявителя, указанных выше в подразделах 6.8 и 6.9 настоящей жалобы).

Далее, это также влечет нарушение ч. 2. ст. 45⁴⁷ Конституции РФ: лица в иных субъектах РФ на деле лишаются права защищать свои права и свободы в тех ПДАУ, которое могли бы независимо и самостоятельно создаваться в таких иных субъектах Федерации безотносительно к лицам из Москвы.

Более того, нет никаких сомнений в том, что оспариваемые положения, **прежде всего по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой Совета и Минюста, равно как и судов, допускают произвольное снижение именно и прежде всего в субъектах РФ уже достигнутого уровня гарантированности права участников гражданского оборота на использование для защиты своих прав третейского разбирательства** (см. подробнее ниже подраздел 6.15 настоящей жалобы).

Наконец, результатом указанного неконституционного правоприменения оспариваемых положений является ограничение развития в РФ арбитража как формы разрешения споров в России.

6.12. Нарушение оспариваемыми положениями конституционной гарантии свободного развития (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ), свободы труда и выбора рода деятельности (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ) и основанных на них прав Заявителя. Нарушение конституционных принципов правового государства, верховенства закона и справедливости (ст. 19 Конституции РФ). Нарушение конституционного права членов гражданского общества по защите своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ).

Перечисленные выше в настоящей жалобе нарушения конституционных положений и принципов, тем более взятые в совокупности и в их системной связи, намеренно выстроенной правоприменительной практикой Совета и Минюста (которая поддерживается судами (см. выше подраздел V настоящей жалобы)), равным образом не позволяют Заявителю (как и иным частным субъектам) получать опыт администрирования арбитража (Заявитель был лишен имеющих конституционное наполнение прав на равный доступ к осуществлению деятельности по такому администрированию), **что дополнительно нарушает и его право на свободное**

---

⁴⁶ «1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

⁴⁷ «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом».

развитие, гарантированное ч. 1 ст. 7⁴⁸ Конституции РФ.

Эти нарушения также идут вразрез с ч. 1 ст. 37 Конституции РФ («1. Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию»), по смыслу которой лица, чей труд свободен, вправе выбирать занятия в экономике, в том числе **в форме деятельности по администрированию арбитража**. Заявитель был лишен и данного права.

Указанные выше в настоящем подразделе положения Конституции РФ распространяются и на коллективных субъектов, каковыми являются объединения граждан и, соответственно, некоммерческие организации (включая Заявителя).

Кроме того, как прямо следует из правовых позиций КС РФ, упомянутых выше в подразделе 6.1 настоящей жалобы, такие нарушения, тем более взятые в совокупности и в их системной связи, намеренно выстроенной правоприменительной практикой Совета и Минюста по толкованию и использованию оспариваемых положений (которая поддерживается судами), **также идут вразрез с конституционными принципами правового государства, верховенства закона и справедливости** (вытекающими из ч. 1 ст. 1, ч. 2 ст. 4, ч. 1 и ч. 2 ст. 15 Конституции РФ; см. также п. 4 Постановления КС РФ от 21 мая 2013 г. № 10-П).

Заявитель считает необходимым отдельно подчеркнуть несоответствие намеренно выстроенной правоприменительной практики Совета и Минюста по толкованию и использованию оспариваемых положений (которая поддерживается судами в их собственной правоприменительной практике) конституционным принципам правового государства и верховенства закона.

Такая правоприменительная практика носит именно политизированный, а не правовой характер. Она продиктована страхом публичной власти перед арбитражем как институтом гражданского общества и ее стремлением всячески контролировать арбитраж как институт гражданского общества в нарушение указанных конституционных принципов.

Наконец, вышеназванные нарушения самым серьезным образом сокращают возможности частных лиц — членов гражданского общества избрать арбитраж как форму разрешения споров и не позволяют им в должной мере реализовать предоставленное конституционное право по защите своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45⁴⁹ Конституции РФ. Заявитель понимает, что тут речь идет о правах иных лиц, но все же ссылается на это именно для полноты картины).

6.13. Иное несоответствие конституционному требованию соразмерности ограничения конституционных прав (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) и вытекающее из этого нарушение прав Заявителя, имеющих конституционное наполнение.

Выше в подразделе 6.4 настоящей жалобы уже указывалось на то, что неопределенность правового регулирования в оспариваемых ч. 8 (п. 4) и ч. 9 ст. 44 Закона об арбитраже приводит к предъявлению к некоммерческим организациям-

---

⁴⁸ «1. Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

⁴⁹ «2. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом».

заявителям произвольных, необоснованных и чрезмерных требований, что нарушает содержащийся в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ принцип соразмерности ограничения конституционных прав и свобод федеральным законом.

Заявитель считает необходимым здесь также указать на то, что те имевшие место грубые стеснения его прав, которые указаны выше, в частности в подразделах 6.6, 6.8, 6.12 настоящей жалобы, также не могут считаться соответствующими принципу соразмерности ограничения конституционных прав и свобод федеральным законом, т.е. в данном случае речь идет именно о нарушении его прав, имеющих конституционное наполнение.

Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы могут быть ограничены строго в соответствии с предписаниями данного положения, и ограничительные меры могут быть допустимыми, только если *«они основываются на законе, служат общественным интересам и не являются чрезмерными; в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, федеральный законодатель... должен использовать не чрезмерные, а только необходимые и обусловленные конституционно признаваемыми целями меры...»*⁵⁰. Однако описанные выше грубые стеснения прав Заявителя явно не обусловлены целями ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Более того, согласно ч. 3 ст. 56⁵¹ Конституции РФ право Заявителя *«на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности»* (ч. 1 ст. 34 Конституции) вообще не подлежит ограничению.

6.14. Нарушение оспариваемыми положениями конституционного принципа равенства (ст. 19 Конституции РФ): сравнение оспариваемых положений и принципов осуществления лицензирования.

Статья 4 «Основные принципы осуществления лицензирования» Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» предусматривает: *«Основными принципами осуществления лицензирования являются:*

1) обеспечение единства экономического пространства на территории Российской Федерации;

<...>

4) установление исчерпывающих перечней лицензионных требований в отношении лицензируемых видов деятельности...

5) открытость и доступность информации о лицензировании, за исключением информации, распространение которой запрещено или ограничено в соответствии с законодательством Российской Федерации;

<...>

7) соблюдение законности при осуществлении лицензирования.

---

⁵⁰ Пункт 2 Определения КС РФ от 9 ноября 2010 г. № 1435-О-О; см. также, например, Определение КС РФ от 16 июля 2013 г. № 1239-О.

⁵¹ «3. Не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46–54 Конституции Российской Федерации».

Сравнение этих принципов с оспариваемыми положениями ясно указывает на то, что последние подвергают некоммерческие организации, желающие получить право на осуществление функций ПДАУ, **дискриминационному обращению** по сравнению с иными субъектами, деятельность которых также подлежит одобрению, но в форме лицензирования.

Оспариваемые положения, прежде всего по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой:

— не устанавливают исчерпывающий перечень требований к заявителям (см. выше подраздел 6.1 настоящей жалобы);

— не направлены на обеспечение единства экономического пространства на территории Российской Федерации (см. выше подраздел 6.11 настоящей жалобы);

— не обеспечивают открытость и доступность информации (см. выше подраздел 6.6 настоящей жалобы);

— не обеспечивают соблюдение законности (см. выше различные подразделы в разделе VI настоящей жалобы).

В итоге конституционный принцип равенства не соблюдается, а ч. 1 ст. 8 (поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности) и ч. 1 ст. 34⁵² Конституции РФ в отношении указанных некоммерческих организаций по сравнению с упомянутыми иными субъектами нарушаются.

КС РФ в п. 5 Постановления от 25 июня 2015 г. № 17-П указал: *«По смыслу правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 23 декабря 2013 года № 29-П, в случаях, когда толкование нормы права официальными актами государственных, в том числе судебных, органов не устраняет — вследствие наличия различных вариантов ее интерпретации — неясность правового регулирования, при решении вопроса о том, какой из этих вариантов применим для установления прав и обязанностей участников соответствующих правоотношений, необходимо исходить из конституционных принципов равенства и справедливости, а также требования формальной определенности норм, с тем чтобы избежать нарушения универсальных начал правового регулирования и правоприменения, вытекающих из статей 1 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации».*

Из данной правовой позиции КС РФ следует, что для целей обеспечения равенства субъектов соответствующих правоотношений **регулирование вопросов предоставления права осуществлять функций ПДАУ не может игнорировать** принципы, изложенные в Федеральном законе от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности».

---

⁵² «1. Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности».

6.15. Нарушение конституционного требования баланса частных и публичных интересов, состоящего в недопустимости произвольного снижения уже достигнутого уровня гарантированности права участников гражданского оборота на использование для защиты своих прав третейского разбирательства.

В п. 3.1 Постановления от 26 мая 2011 г. № 10-П КС РФ ясно указал: *«...не затрагивается право федерального законодателя в рамках предоставленной ему дискреции в регулировании данного вопроса (пункты „в“, „о“ статьи 71 Конституции Российской Федерации) определять — исходя из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов — перечень видов споров, которые могут быть переданы на рассмотрение третейского суда, в зависимости от их социальной значимости, конкретных условий развития гражданского оборота и социально-экономической системы в целом, укоренения правовых начал рыночного хозяйства, правовой культуры и других факторов и вносить в этот перечень изменения. Такие изменения, однако, не могут осуществляться путем произвольного снижения уже достигнутого уровня гарантированности права участников гражданского оборота на использование для защиты своих прав третейского разбирательства, без учета сложившегося правового регулирования, призванного обеспечивать стабильность и динамизм гражданского оборота и предсказуемость в использовании процессуальных возможностей для его участников».*

Нет никаких сомнений в том, что оспариваемые положения, **прежде всего по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой Совета и Минюста, равно как и судов,** допускают произвольное снижение уже достигнутого уровня гарантированности права участников гражданского оборота на использование для защиты своих прав третейского разбирательства за счет того, что они целенаправленно и неконституционным образом превращены в инструмент недопуска большинства некоммерческих организаций-заявителей (включая Заявителя) к администрированию арбитража в РФ.

Как уже объяснялось в подразделе 6.7 настоящей жалобы, коль скоро само право на передачу гражданско-правового спора в третейский суд давно уже признано конституционно значимым, то принцип диспозитивности в ч. 2 ст. 45⁵³ Конституции РФ, согласно которому заинтересованные лица самостоятельно определяют способ защиты своего права и могут для этого обратиться к третейской процедуре, задавая вместе с тем параметры и сущностные характеристики данной процедуры, распространяется, безусловно, в том числе и на организационную часть отношений в рамках третейского производства, т.е. на администрирование арбитража (включая установление процедурных и иных моментов, характеризующих институциональный механизм реализации соответствующего средства защиты права). Следовательно, конституционное признание права частных лиц на обращение в третейский суд обуславливает с конституционной точки зрения также **гарантирование иным соответствующим частным лицам права на получение возможности выполнять функции организационного обеспечения третейского разбирательства, т.е. администрировать арбитраж** (п. 3 ст. 2 Закона об арбитраже).

Тем самым оспариваемые положения, **прежде всего по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой Совета и Минюста, равно как и судов, допускают точно также произвольное снижение уже достигнутого уровня**

---

⁵³ «2. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом».

гарантированности права участников гражданского оборота на получение полномочий администрировать арбитраж.

Такое произвольное снижение, к сожалению, является неизбежным итогом, как уже было показано выше, **нарушения** имеющих конституционное наполнение прав (в том числе Заявителя) **на равный доступ** к осуществлению деятельности по администрированию арбитража, проистекающих из конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ), как и из конституционных прав, гарантированных упомянутыми выше ч. 1 ст. 8 и ч. 2 ст. 35 Конституции РФ.

В результате действия оспариваемых положений, прежде всего по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, целенаправленно и неконституционным образом превращенных в инструмент недопуска большинства некоммерческих организаций-заявителей (включая Заявителя) к администрированию арбитража в РФ, уже произошло существенное сокращение количества обращений к третейскому производству как способу разрешения споров (прежде всего в субъектах РФ)⁵⁴.

Указанный факт подтверждается и статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Так, например, количество обращений в арбитражные суды РФ с заявлениями о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в 2015 г. составило 7 694⁵⁵, а в 2020 г. — всего лишь 725⁵⁶ (т.е. общее количество обращений сократилось более чем в 10 раз).

И дело даже не столько в том, что в итоге имеет место, помимо прочего, увеличение нагрузки на систему государственных судов РФ (хотя так называемая третейская реформа, в ходе которой и появились оспариваемые положения, имела целью ее снижение), сколько в том, что конституционное требование баланса частных

---

⁵⁴ Так, например, представителями профессионального сообщества отмечается, что *«по вполне объективным причинам число обращений в третейские суды за последние годы неуклонно падало, что наглядно отражается в числе исполнительных листов, выданных государственными судами за время проведения третейской реформы. Так, если в 2016 г. их было выдано около 12 тыс., в 2017 г. — в половину меньше, а текущем году, скорее всего, это число не превысит и одной тысячи (!). Связано это, прежде всего, с тем обстоятельством, что в регионах России перестали функционировать арбитражные центры, действовавшие там ранее, а на обеспечение доступности третейского разбирательства за счет создания региональных отделений столичных ПДАУ в лучшем случае уйдут годы»* (Севастьянов Г. Результаты третейской реформы: время консолидироваться и «собирать камни». Арбитрабельность снова «лихорадит» (27 июня 2018 г.). URL: https://zakon.ru/blog/2018/6/27/rezultatytretejskoj_reformyvremya_konsolidirovatsyai_sobirat_kamni (доступ по состоянию на 28 сентября 2021 г.)).

Также отмечается и резкое снижение количества споров, рассматриваемых третейскими судами: *«...одним из последствий проведенной реформы стало резкое сокращение количества передаваемых в арбитраж споров, число которых сократилось более чем в четыре раза (с 7–8 тыс. до 1,4 тыс. в год) даже с учетом значительного роста количества дел, поступающих в ПДАУ в условиях пандемии COVID-19...»* (Засемкова О.Ф. Международный коммерческий арбитраж в России: итоги реформы // Lex russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 17. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.177.8.009-022> (доступ по состоянию на 28 сентября 2021 г.)).

⁵⁵ Отчет о работе арбитражных судов субъектов РФ в 2015 г. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/AC1_2015.xls (доступ по состоянию на 28 сентября 2021 г.).

⁵⁶ Отчет о работе арбитражных судов субъектов РФ в 2020 г. URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/AC1_svod-2020.xls (доступ по состоянию на 28 сентября 2021 г.).

и публичных интересов чрезмерно нивелируется, равно как и снижаются конституционные гарантии развития в РФ гражданского общества.

VII. ПРОСЬБА, ОБРАЩЕННАЯ К КОНСТИТУЦИОННОМУ СУДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На основании изложенного и в соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» Заявитель просит Конституционный Суд РФ:

(1) признать оспариваемые положения частей 4, 6, 8 (п. 4), 9 и 10 ст. 44 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, не соответствующими Конституции РФ (как показано выше: ее ст. 1, ст. 2, ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 5, ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 8, ст. 18, ст. 19, ч. 1 ст. 21, ч. 2 ст. 24, ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 32, ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 35, ч. 1 ст. 37, ч. 1 и ч. 2 ст. 45, ч. 2 ст. 45, ч. 1 и ч. 2 ст. 46, ч. 3 ст. 55, ст. 75¹, равно как и общему конституционному принципу реализации правовых норм); а также

(2) в случае признания оспариваемых положений, в том числе по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, не соответствующими Конституции РФ постановить, что правоприменительные акты по делу Заявителя подлежат пересмотру; либо

(3) в случае признания Конституционным Судом РФ наличия такой необходимости выявить конституционно-правовой смысл оспариваемых положений, не ограничиваясь отказом в принятии к рассмотрению жалобы Заявителя со ссылкой на то, что оспариваемые положения не могут расцениваться как нарушающие конституционные права Заявителя и / или что проверка соответствующих вопросов не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации.

Приложения к настоящей жалобе (копии, заверенные Заявителем, если не указано иное):

1. Текст оспариваемых положений частей 4, 6, 8 (п. 4), 9 и 10 ст. 44 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»;

2. Письма Минюста (об отказе в передаче на рассмотрение Совета заявлений о предоставлении Заявителю права осуществлять функции ПДАУ) от 24 января 2017 г. № 09-7806/17, от 27 апреля 2017 г. № 09-51154/17, от 13 июня 2017 г. № 09-69742/17, от 3 августа 2017 г. № 09-93082/17, от 5 апреля 2018 г. № 09-46198/18, от 29 августа 2018 г. № 12-115116/18, от 8 июля 2021 г. № 12-78729/21;

3. Рекомендация Совета по совершенствованию третейского разбирательства от 4 апреля 2019 г.;

4. Выписка из протокола № 1/19 заседания Совета по совершенствованию третейского разбирательства от 4 апреля 2019 г.;

5. Распоряжение Минюста от 25 апреля 2019 г. № 518-р «Об отказе в предоставлении некоммерческой организации, при которой создается постоянно действующее арбитражное учреждение, права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения»;

6. Письмо Минюста от 29 апреля 2019 г. № 12-56198/19;

7. Заверенная судом копия решения Замоскворецкого районного суда от 16 декабря 2019 г. по делу № 2а-835/2019;

8. Заверенная судом копия апелляционного определения Судебной коллегии по административным делам Московского городского суда от 24 сентября 2020 г. по делу № 2а-835/2019;

9. Заверенная судом копия кассационного определения Судебной коллегии по административным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17 февраля 2021 г. по делу № 88а-272/2021;

10. Заверенная судом копия определения Верховного Суда РФ об отказе в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 15 июня 2021 г. по производству № 5-КАС21-152-К2;

11. Устав АНО «Центр арбитражного разбирательства»;

12. Решение от 12 ноября 2020 г. о назначении председателя АНО «Центр арбитражного разбирательства»;

13. Выписка из ЕГРЮЛ в отношении Заявителя;

14. Квитанция об уплате государственной пошлины (оригинал);

15. Копии настоящей жалобы и прилагаемых к ней документов.

**Морозов Михаил Эдуардович, председатель,
единоличный исполнительный орган Заявителя**
